

18+

РОДИТЬСЯ ВОПРОТРЕКИ

НАДЕЖДА
СЕРЕБРЕННИКОВА

Надежда Серебренникова

**Родиться вопреки.
Сказочный роман**

«Издательские решения»

Серебренникова Н.

Родиться вопреки. Сказочный роман / Н. Серебренникова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852769-2

Это захватывающий и очень жизненный во всех смыслах роман, который даёт вполне правдоподобный ответ на вопрос «Откуда берутся дети?» Нашей жизнью управляют их крохотные души, которые то подлетают, когда мы на верном пути, то исчезают, когда мы позволяем рутине, сомнениям и рациональности преобладать над чувством любви. Книгу стоит прочитать всем будущим мамам, независимо от того, когда они планируют это будущее.

ISBN 978-5-44-852769-2

© Серебренникова Н.
© Издательские решения

Родиться вопреки Сказочный роман

Надежда Серебренникова

© Надежда Серебренникова, 2020

ISBN 978-5-4485-2769-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Ребенок сам идет, сам! – это было первое, что я услышал. И сразу почувствовал какие-то запахи. А потом открылись глаза – они совсем немножко открылись, потому что я ужасно устал, – и через эти небольшие щелочки я увидел свет и двух существ в голубом. Они ловко помогли мне выбраться из моего мироубежища и положили на что-то теплое. Вернее, на кого-то. Та, на ком я лежал, с любопытством разглядывала меня. В ее глазах и на лице были красные прожилки, тонкие, как ниточки.

– Привет, – обратилась она ко мне и слегка дотронулась указательным пальцем, будто хотела убедиться, настоящий ли я.

Похоже, это и есть моя мама, подумал я, пока ее глаза меня изучали. Но почему она так мало напоминает ту девушку, которую я выбрал своей мамой, когда летал? Может быть, люди меняются? Родить ребенка – дело, наверное, непростое. Да нет, кажется, все-таки она... Ну, ничего, отдохнет, приведет себя в порядок и будет самая красивая мама на свете. Моя мама! И вообще мне положено любить ее такую, какая есть.

– Ноль часов две минуты, – заявили те, в голубых одеждах.

Тут она заговорила еще с кем-то, кто стоял за ее головой.

– Сколько на твоих? – обратилась она к нему. Я пока не видел, кто там.

– Ноль-ноль и тридцать секунд, – ответил мужской голос. – Уже тридцать три.

И тогда мама стала спорить из-за двух минут. Принципиальная! Помню, когда я был внутри, она тоже любила поспорить. Вот и тут началось. Она отвлеклась от меня, и мне стало немного обидно. Люди в голубом быстро сдались и записали то, на чем настаивала она, потом меня подхватили и куда-то понесли. А моя мама осталась там... Они с ней еще что-то делали, и я переживал, что, может быть, ей до сих пор больно. Я все время думал о ней. И – о, ужас! – я забыл, как ее зовут. Похоже, я вообще многое забыл, появившись на свет.

Меня долго протирали, зачем-то возились с моим животом, взвешивали, привязали к руке бирочку с надписью «Воробьева. Мальчик. 27.05, 00:00. 53 см, 3650 г», туго запеленали и оставили одного. Но вскоре ко мне подошел кто-то в черном и навел на меня странный предмет с круглым стеклышком. Я не знал, что это, и на всякий случай зажмурился. Глаза все еще открывались плохо. И тут он очень тихо сказал, что я похож на опухшую бабушку. Но я все равно услышал и рассердился на него. Дурак какой-то. Сам ты бабушка. Ну, гляди, я тебе потом покажу!

– Так вот ты какой: Даня, Федя, Степа... – немного задумчиво сказал Черный.

Нет, это не мой папа, подумал я. Я знаю своего папу. Ты точно не он. Вот маму я узнал. И узнал бы и папу, ведь я их выбрал сам. Еще задолго до сегодняшнего дня...

В общем, я родился. И это было бесповоротно. Теперь мне предстояло жить здесь. Уже не будет постоянно тепленькой водички, в которой я лежал и сосал палец, не будет ощущения полной защищенности, не будет возможности подслушивать взрослые разговоры, не опасаясь, что это заметят. А самое печальное – я больше никогда не буду летать...

Мне стало так грустно, что захотелось плакать. И я заплакал. Правда, от усталости у меня получилось какое-то невнятное всхлипывание. Никто не понял, что я плачу просто потому, что мне грустно. Оказывается, новорожденному ребенку по статусу полагается поплакать, чтобы оповестить мир о том, что он родился.

Когда я впервые увидел свою будущую маму, она выглядела совершенно иначе. Хотя я тогда вообще не выглядел никак и точно не мог напоминать ничью бабушку. А мама была рыжая, медно-золотая и кудрявая. Настоящая счастливая девчонка! Загорелая, в голубых джинсовых шортах и ярко-желтой майке на бретельках. Вместе с каким-то молодым человеком они плыли в лодке и разговаривали. Она много смеялась. В воде рядом с ними гонялись друг за другом солнечные зайчики.

Я летел мимо с моими друзьями: другими, еще никому не принадлежащими душами. Нашей задачей было найти себе тех, кто станет нашими родителями. Я искал счастливых людей, которые любили друг друга. И вдруг услышал ее смех...

Чувство, что я слышал его раньше и узнал бы среди всех звуков на свете, сказало мне – стой. Это она. Твоя мама.

– Все, ребята, дальше без меня! – крикнул я своим и сел к ней на плечо. Она сразу почесала его, будто почувствовала что-то. Наверное, ей стало щекотно, несмотря на то, что я был невидимкой.

Люди иногда чувствуют подобные вещи. Для них наше щекотание по ощущениям похоже на дуновение ветра или маленького жучка, ползущего по щеке. Я заглянул в ее смеющиеся карие глаза и увидел в них какое-то теплое и радостное чувство. Возможно, это любовь и я на верном пути? – подумал я тогда.

– Ну, где уже эти обезьяны, Вить? Похоже, мы заблудились... – сказала она своему спутнику.

– Не переживай, Рыжик, сейчас найдем!

Они искали какой-то остров. Я решил остаться с ними и наблюдать.

Лодкой молодые люди управляли по очереди.

– Сфотографируй меня, красивую, на веслах, – засмеялась она и откинулась чуть назад. Она и в самом деле была (или виделась мне) очень красивой. Поток удивительной солнечной энергии, что исходил от нее, будто прошел сквозь меня. Мне показалось, что я тоже стал похож на солнечного зайчика. Быть может, в эту минуту меня даже можно было увидеть.

– Я хочу, чтобы ты стала моей мамой, – шепнул я ей на ухо, и она его почесала. Есть контакт!

В тот вечер я остался с ними. Они нашли, наконец, островок, где жили обезьяны, которых завезли на всеобщее обозрение в Центральный парк культуры и отдыха летом 1999-го. Покормив их с рук, ребята поплыли назад, вернули лодку, а потом долго валялись на траве, пили пиво и разговаривали.

Я узнал, что девушку зовут Лера и что живет она недалеко от питерской станции метро «Дыбенко», на Товарищеском проспекте. Имя молодого человека – Виктор. Прошло уже два месяца, как они расстались, но несколько дней назад он привез по просьбе Леры вещи, забытые в квартире, где они жили вместе, и снова задержался в ее жизни. За то время, что они не виделись, у каждого уже складывались новые отношения, но эта встреча помешала им развиться во что-то большее.

– Рыжик, а ведь ты мне фактически жена... – глядя на нее с любовью, сказал он, и я видел, что ей невероятно приятно это слышать. – Мы столько пережили вместе! Ты одна ходила ко мне в больницу каждый день, когда я сломал позвоночник и целый месяц лежал без движения... Да чего только не было! Знаешь, вот увидел тебя на той неделе и хожу сам не свой.

На работе сосредоточиться не могу, несколько дней с одним договором возжусь, коллеги уже спрашивают, что со мной... А вчера я понял что: это любовь, Рыжик! – он погладил ее по волнистым волосам.

Но, несмотря на его слова, Виктор мне не понравился. Я не хотел бы себе такого папу. Он был похож на пещерного человечка со странной формы головой и оттопыренными ушами, а лицо напоминало гнома – то злого, то доброго, в зависимости от выражения глаз. Но дело было даже не в том, как он выглядел. Я чувствовал что-то холодное и жестокое в его глазах и не мог найти этому определения... В них будто было второе дно.

Надо непременно помочь моей будущей маме найти кого-то другого. С кем, интересно, она начинала встречаться, когда в ее жизнь снова наведалься «пещерный человечек»? Хотелось бы на него посмотреть.

95 июля. Такого не бывает, это я точно знал. Однако именно эта дата была сложена на календаре из деревянных кубиков на книжной полке в комнате моей будущей мамы, когда я впервые попал в ее квартиру. Да, похоже, это необычная девушка и вместе с ней мне предстоит пережить разные необычные события.

Она так увлеченно читала книгу, что даже не почувствовала, как я легонько пощекотал ее за ухом. Это был всего лишь один из способов дать о себе знать. Еще мы можем отправлять людям сообщения, те самые, о которых они, покачив головой, говорят: это знак! Его я отправил своей будущей маме недавно, когда она утром ехала на работу, размышляя об их отношениях с Виктором. Лера смотрела в окно автобуса, а я читал ее мысли:

«К чему мы снова это затеяли, все же было понятно еще весной. Не стоило этого делать: ведь разбитая чашка уже будет с трещиной. Катимся по накатанной колее прожитых чувств, – она вздохнула и прильнула щекой к оконному стеклу, опершись на ладонь. – Кто бы подсказал, что делать, сказал бы наверняка: Он это или не Он...». Автобус как раз проезжал мимо огромного рекламного стенда, на котором аршинными буквами было написано: «НЕОН». И хотя это была реклама такси, – но чем не знак? А главное – чистая правда, уж это я точно знал. Да и сама она давно чувствовала. Я заметил, как внезапно изменилось выражение ее глаз: от задумчиво-грустного к удивленному.

Еще мы умеем приходить во сне. Когда моя будущая мама увлеклась чтением книги и не заметила моего прикосновения, я расстроился и решил ей присниться. Надо будет только придумать, в каком образе.

У меня пока нет имени. Я маленькая, легкая, как глоток воздуха, душа, которой пришло время обрести свое воплощение на земле. Я ничего не помню о своих прошлых жизнях и не знаю, были ли они вообще. Мне просто пришла пора начать жить среди людей, а для этого нужно найти тех, кто стал бы моими родителями.

Мой номер М-04041999. «М» означает, что я должен родиться мальчиком, остальные цифры – дата, когда я отправился на поиски своих родителей. По правилам, мальчики сначала выбирают себе маму, а девочки – папу. Кроме меня точно такой же номер есть у еще нескольких десятков тысяч, кто получил аналогичное задание четвертого апреля 1999 года, но я уже потерял их из виду. Сколько времени продлятся мои поиски и когда я появлюсь на свет в виде младенца мужского пола, заранее не известно.

Иногда нам приходится сначала устраивать первую встречу наших будущих родителей и заботиться о том, чтобы они не потерялись в пространстве раньше, чем произойдет самое главное, ради чего они встретились – зачатие. А иногда вынуждены делать наоборот: разлучать с теми, кто не подходит на роль второго родителя. Как в моем случае. Эх, чего только не сделаешь ради семейного благополучия! Я твердо решил помочь Лере найти того, с кем всё будет иначе. Как? Это невозможно предсказать. В общем, того, с кем будет всё.

Лера давно хотела ребенка. Я узнал это из телефонного разговора с одной из ее подруг. Малыш мог появиться у нее еще в восемнадцать лет, но рожать на первом курсе института от того, с кем не могло сложиться ничего серьезного, у девчонки не хватило духа.

Вместе с одним другом, имеющим довольно среднее медицинское образование, она, по молодости и глупости, попыталась самостоятельно решить проблему с помощью каких-то гормональных инъекций, но ничего не помогло. Пришлось, по совету еще одной подруги, недавно пережившей подобный опыт, обратиться к гинекологическим дел мастеру и все ему рассказать. Милейший голубоглазый профессор отнесся к ней, как к дочери, потрепал по макушке и велел прийти завтра с халатом и тапочками.

– Я очень боюсь, что наркоз не подействует... – последнее, что она помнила, сказанное собой, еще беременной. И улыбку широкоплечего анестезиолога – реакцию на ее слова.

Все произошло очень быстро, и совсем недавно нашедшая себе уют душа ее дочки оказалась не у дел. Стараясь не смотреть на процесс изъятия ее будущего тела, она полетела к своим. Ей было необходимо выплакаться за рухнувшие надежды – она уже успела полюбить эту юную хохотушку, которая даже узнала о существовании своего ребенка первого апреля – в День смеха. Поначалу «виновник торжества» даже принял эту новость за розыгрыш. Теперь же, когда все выглядело слишком жестокой шуткой, душа ее дочки должна была признать, что если и не ошиблась в выборе, то сделала его слишком рано для своей мамы. За такой просчет она на два года лишалась возможности выбирать родителей.

Первое время при виде маленьких детей Лере хотелось плакать. Ей несколько раз снилась рыженькая девочка с серыми глазами. Позже чувство потери возвращалось, когда она держала на руках детей своих подруг. Во время совместной жизни с Виктором желание стать матерью стало невыносимо сильным. В том же году Лерина подруга Аня родила мальчика, который, как она рассказала, снился ей еще до зачатия и наказал назвать его Ромкой. Накануне его рождения Лера была у нее в гостях, как раз первого апреля, и в шутку посоветовала рожать семнадцатого числа, мотивируя тем, что это ее любимое. Каково же было ее удивление, когда все именно так и случилось!

– Теперь, Ань, надеюсь, ты понимаешь, кого должна выбрать его крестной матерью? – смеясь, спросила она.

– Без сомнения, – улыбнулась подруга. – Чуть подрастет, и устроим крестины.

– Это будет уже второй мой крестник. Мне недавно рассказали, что, после того как станешь крестной мальчика, жизнь должна измениться к лучшему. А у меня будет аж два мальчика!

– Значит, точно должно все повернуться к лучшему! – с уверенностью сказала Аня.

Когда будущая крестная впервые взяла месячного Ромку на руки, на секунду попыталась представить, что вот он – ее малыш, Лерин запрос попал к нам, в Небесную канцелярию. И моя душа, которая уже два месяца находилась в активном поиске, на него отозвалась...

Такой запрос на собственного ребенка обычно происходит тогда, когда женщина видит младенца, который ей нравится. Внутри нее происходит нечто, трудно поддающееся определению: восторг, восхищение, переходящие в желание иметь такого же малыша... Этот сигнал улавливается душой, стремящейся к земному воплощению, и с этого момента между ними устанавливается энергетическая связь. Я нашел Леру по наитию, даже не подозревая, что это именно она.

Вернувшись домой от будущего крестника, девушка рассказала о своих эмоциях Виктору. Но их желания сразу разошлись. Уже однажды женатый и еще окончательно не разведенный Витя был старше своей второй, неофициальной, жены на семь лет. Он считал себя опытным и практичным, а Валерию – молодой, наивной и излишне эмоциональной. Виктор был

щедрым, веселым, иной раз балагуром, и это причудливым образом уживалось в нем с цинизмом и деспотизмом. Этаким король из фильма «Обыкновенное чудо»: в нем при кажущейся доброте и легкости характера в любой момент мог «проснуться дедушка по маминой линии» и пожелать «казнить» тех, кто попадется ему под руку.

Лере иногда казалось, что в нем живут сразу двое: добродушный весельчак, которого она любила, и практичный циник с колючим взглядом, которого по-настоящему боялась. Если доверять гороскопам, для Близнецов такое раздвоение – нормальное положение дел. Тот, второй, полагал, что Лера немного безалаберна, слишком свободолюбива, да к тому же плохая хозяйка, в жены ее не планировал и общего ребенка, как следствие, не хотел. Категорически. Но так как первая, светлая половина его личности искренне любила Леру, то второй ничего не оставалось, как мириться с ситуацией.

К середине мая, как раз когда я почувствовал, что где-то есть та, с которой мы нужны друг другу, отношения Виктора и Валерии расстроились окончательно. Исчезла былая легкость и романтика, молодые люди лишь улаживали бытовые вопросы: что купить на ужин, мелко ли резать лук, а во время еды говорили исключительно о работе. Тепла не было. Когда стало совсем невыносимо, Лера, пока Виктор ушел к друзьям, собрала вещи. Выходя из квартиры, она столкнулась с бывшим возлюбленным в дверях, и он молча проводил ее до лифта.

А днем позже в редакции газеты, где она работала в пиар-отделе, появился новый, молодой и симпатичный журналист Артем Голубков, которого сразу представили всем сотрудникам. Главный редактор водил немного смущенного новобранца по кабинетам с просьбой любить и жаловать.

– Значит, будем и любить, и жаловать, – не удержалась от шутки Лера, заметив смущение новичка. Внешне он был совершенно в ее вкусе: среднего роста, серые глаза с каким-то очень милым прищуром и сексуальные губы, как у Бреда Пита. Да еще и, похоже, очень скромный, что тоже было плюсом – ей нравилось смущать людей. – Вы, Артем, что больше предпочитаете? – этим вопросом она окончательно вогнала юношу в краску.

Новенький, застенчиво улыбнувшись, предпочел побыстрее выйти из кабинета. Лера сразу ему запомнилась. Такие рыжие всегда нравились Артему, но были не по зубам, а попробовать очень хотелось. Он набрался храбрости и минут через десять еще раз зашел к ним в кабинет.

– Никто не хочет сегодня на «ДДТ»? В «Юбилейном» концерт в семь, у меня есть лишний билет, – Артем обращался ко всем, но смотрел на нее.

– Лера, сходи, ты же любишь Шевчука, – отозвалась коллега, которая это заметила.

– Шевчука? Шевчука уважаю. А люблю Земфиру.

– Земфиру в другой раз послушаете. Иди-иди, Кавалерия ты наша, раз собиралась жаловать нашего нового журналиста, – хихикала коллега.

– Ну, разве что ради этого... – подхватила Лера. – Хорошо, я пойду, Артем.

На концерте был аншлаг, но на трибуны почему-то пускали не сразу. А когда пустили, туда рванула толпа и молодых людей тесно прижало друг к другу. Но им не было от этого плохо. Артем даже мысленно поблагодарил фанатов Шевчука, ибо сам еще нескоро решился бы на такую близость.

Шевчук был в ударе. Концерт удался. Когда «в небе сожгли все корабли», толпа поплыла в метро. Лера и Артем стояли в вагоне нос к носу и оба ощущали очень сильное физическое притяжение.

«Как странно, – подумала тогда Лера. – Вчера мне хотелось плакать, но прошел всего один день, и я уже рядом с другим человеком, и, судя по взгляду, ужасно ему нравлюсь. А ведь он очень даже симпатичный, побриться бы вот только не мешало...»

– А зачем ты отрастил такую забавную бороду, тебе же всего двадцать три! – без обиняков заявила она. – Мы же почти ровесники, кстати. И я бороду, как видишь, не ношу.

– Думал, с ней буду солиднее выглядеть... Что, не получилось?

– Нет, не получилось. Сбрей.

– Я подумаю.

– Да-да, подумай и сбрей.

– Да, тебе палец в рот не клади, – растягивая звук «и», с восхищением произнес Артем.

– А ты и не клади. Зачем мне во рту твой палец? – засмеялась она.

Он, не придумав ответ, не нашел ничего лучшего, как легонько дернуть ее за волосы.

И где меня только носило в тот момент? Почему не было рядом? Ведь это была как раз та самая минута, когда все могло пойти либо в одну сторону, либо в другую. Некому было послать Лере знак, что вот тот самый Он, и, как поется в песне, надо только не дать ему уйти. Некому было предупредить, что с ним не стоит отпускать колкостей. Юноша был совсем еще «зеленый», и из него можно было вылепить все, что угодно. При правильном моделировании он мог бы стать моим настоящим, любимым папой. Но Лера по природе своей скульптором не была, ее и саму не мешало бы несколько отесать. А материал, из которого был сделан ее новый коллега, хоть и был податливым, потрескался бы при первом же обжиге. Поэтому с самого начала между ними все пошло не так...

Молодые люди еще несколько раз гуляли после работы с компанией коллег, приглядываясь друг к другу. В одну из таких прогулок захмелевший Артем, к которому у Леры тогда рождались нежные чувства, неожиданно решил приударить за ее подругой Юлей, что случайно оказалась с ними в тот день. Валерия с изумлением наблюдала, как эта парочка отделилась от них и несколько минут спустя уже страстно целовалась возле памятника Ленину у Финляндского вокзала.

Чего хотел добиться Артем таким поведением, Лере было непонятно. У еще не умевшего общаться с женщинами бородатого юноши это было попыткой вызвать ее ревность и тем самым повысить интерес к своей персоне, – он даже поделился с ней приятными впечатлениями о поцелуе. Однако результат получился обратным: Лера недоуменно пожала плечами и мысленно умножила его на ноль. Да и с Юлей эта спонтанная романтическая встреча стала у Артема единственной.

Я находился в Лериной комнате и наблюдал, как она смотрит на две розовые полоски на тоненькой бумажной пластинке. Я чувствовал ее смятение и слушал ее мысли. Мне было не по себе. Я сам не мог понять, как это произошло, ведь я хотел, чтобы Лера до того, как зачать меня, поняла, что с Виктором ей не по пути. Теперь все сильно усложнилось.

«Господи... Что скажет Витя, когда проснется? Скажет, что я все это подстроила сама, он ведь не хотел...»

Я смотрел, как он мирно спит, аккуратно положив свои выдающиеся уши на подушку. Для меня этот юридически подкованный господинчик «с камнем за спиной» представлял собой не самое приятное зрелище не только когда бодрствовал, но и когда спал. Я не мог понять, как Лера не чувствует, что камень полетит в нее в любой момент. Если бы его хозяин не так сильно любил эту, по его мнению, не вполне подходящую для создания семьи девушку, это произошло бы давным-давно... И камень продолжал ждать своего часа...

Виктор был тем самым молодым человеком, с которым Лера каталась на лодке, когда я впервые увидел ее. И я с радостью оставил бы его на острове с обезьянами! А камень пригодился бы ему для самообороны.

Сам он давно мечтал о дочке и уже точно решил, что назовет ее Катей – это было имя девочки, которую он платонически любил в школьные годы. И я знал, что так оно и будет,

но не сейчас, не с Лерой. Тут была какая-то ошибка, ведь я должен родиться мальчиком, значит, он не мог стать моим папой! Я чувствовал, что все, что происходит, это – не моя жизнь. Но однажды я ошибся, очень сильно ошибся...

Был очень солнечный и жаркий июльский день, и – я просто не знаю, как все произошло – наверное, мне напекло мою несуществующую голову...

Нас всегда притягивают сильные чувства между будущими родителями, а в тот день между Валерией и Виктором они были. Еще утром, выйдя из кинотеатра, заново влюбившись друг в друга, они почти не помнили, о чем был фильм, потому что во время сеанса непрерывно целовались на последнем ряду. А возвращаясь домой, держались за руки. Виктор вдруг стал другим. Его как подменили: холодность, которую я видел в его глазах, исчезла, будто ее и не было вовсе. Их чувства были настоящими, поэтому я не мог себя контролировать. Меня засасывало, как в воронку...

Все пошло по иному пути Лериной судьбы, по которому ей идти не стоило. Близость между ними решила мою судьбу. Да и не только мою.

– Рожай от кого угодно, только не от меня, – первое, что сказал Виктор, увидев две полоски.

Они сидели на кухне. Я чувствовал, как внутри у моей мамы все сжалось, и она еле сдерживалась, чтобы не расплакаться.

– Но мы же с тобой говорили о Кате... Я тоже хочу дочку с таким именем.

– Нет, Рыжик, все же, думаю, нам не стоит оставлять ребенка. Сходи к врачу.

– Схожу, но только вместе с тобой.

Врачом оказался тот самый голубоглазый профессор. Он вспомнил Леру и, по ее просьбе, попытался уговорить молодого человека сохранить будущего ребенка.

– Срок около пяти недель. Стенки матки очень тонкие, аборт может негативно повлиять на будущие беременности, понимаете? – сказал он будущему отцу, выйдя в коридор после осмотра. Виктор согласно покачал головой, делая вид, что все понимает. Профессор на прощанье подмигнул Лере, мол, надеюсь, все удалось уладить. Она тоже хотела в это верить.

Билеты в Сочи на третье сентября были куплены еще до того, как выяснилось, что поедут они уже не вдвоем. Быть может, Виктору не хотелось менять планы на отпуск, и он решил пока ни на чем не настаивать? Мне почему-то не хотелось лететь с ними, но теперь я мог наблюдать за ними на расстоянии, слушая их мысли. Я чувствовал, что из-за маминой беременности между моими будущими родителями пропала прежняя искренность. Вся энергия Леры была направлена на то, чтобы убедить Витю, что все будет хорошо и ребенок не помешает запланированному течению его жизни. А своего нежеланного отца я несколько раз ловил на ужасных мыслях, особенно когда Лера заводила разговор об их совместном будущем и о дочке. Это было действительно страшно, и мне очень хотелось верить, что он так думает не всерьез: «Может, взять да утопить ее, никто и не узнает...» – крутилось в голове Виктора, когда они оказывались на пляже вдвоем. Несмотря на то, что он уже тогда, похоже, все для себя решил, его чувство собственности продолжало устраивать Лере скандалы из-за того, что та хотела загорать топлес. В общем, отпуск получился «сказочный».

От всего этого было так невыносимо грустно, что хотелось заплакать по-настоящему, как ребенок. Но я пока так не мог. В «Сказе про Федота-стрельца», который Лера часто переслушивала, и поэтому я многое запомнил, было будто про меня:

Я бы рад, да мой портрет

Для меня и то секрет.

Сам порою сомневаюсь,

То ли есть я, то ли нет...

У меня забот не счесть:
Есть еда, да нечем есть,
Есть табак, да нечем нюхать,
Есть скамья, да нечем сесть...

Выходит, и я тоже, в принципе, «То-Чего-На-Белом-Свете-Вообще-Не-Может-Быть». Меня никто не видел, кроме таких же, как я. А ведь их тоже никто не видит, кроме меня. Даже я сам могу сделать так, что другая душа не будет меня видеть, включив так называемый «режим невидимки». И где же доказательство нашего существования? Люди давно спорят, что такое душа. А кто ее видел? Да никто. Одни байки ходят. А есть она или нет... Остается ли она после смерти и перерождается ли в кого-то другого, никому из людей доподлинно не известно. Я, похоже, уже сам в себя не верил. Существовую ли я вообще.

Каждый вечер нас собиралось до нескольких десятков тысяч. Образуя маленькие группы, те, кому было что рассказать, делились с другими самыми интересными впечатлениями дня. Души, которые в тот день обрели плоть внутри будущих мам, устраивали танцы, а остальные за них искренне радовались. Сегодня одна из моих знакомых душ – Д-16121998 – собрала вокруг себя огромную компанию своей новостью о том, что мама наконец узнала о ее существовании:

– Она пошла к своей подруге и показала тест на беременность, – делилась со всеми милая болтушка. – А та ей и говорит: ну все, ты точно в положении, можешь даже не сомневаться. И моя мама улыбнулась! У нее такая замечательная улыбка! И папа такой восхитительный, я непременно должна быть на него похожа! У него такие большие выразительные глаза! – мечтательно добавила она. – Я ведь в глаза сначала и влюбилась, когда увидела их отражение в зеркале его автомобиля.

– А он уже знает? – интересовались другие будущие девочки.

– Про меня? Еще нет. Оля – так зовут мою маму – пока боится говорить. Они же совсем недавно с Володей знакомы, и с мужем до сих пор не решили о разводе. Я слышала, как он угрожал ей либо с собой что-то сделать, либо с ней, если она вдруг решит уйти от него. Сильно сложно все в их семье... У них еще мальчик растет, Петя, ему скоро пять. А тут еще я... Но Ольга – она удивительная, я просто восхищаюсь ею! Как же хочется быстрее оказаться у нее на руках настоящей дочкой, с ручками, ножками и большими голубыми глазами. Такими, как у папы! – Д-16121998 кружилась в танце и мечтала, мечтала... Она ощущала себя совершенно счастливой, обретя, наконец, свою идеальную маму.

У каждого из нас был свой собственный образ идеальных мамы или папы, с которым мы отправлялись на поиски. Лера полностью соответствовала образу, что в своем воображении нарисовал себе я. А мой близкий друг выбрал себе в мамы совсем юную девочку, которой было еще четырнадцать. Он не стал ждать и родился через восемь месяцев после того, как впервые увидел ее. Как раз в тот день, когда его маме исполнилось пятнадцать. В спешке он погорячился с выбором отца, поэтому девочке-маме первое время приходилось очень непросто, и учебу в школе она была вынуждена на время оставить. А будущую прабабушку информация о грядущем правнуке чуть не довела до инфаркта.

Мы перестаем общаться, когда появляемся на свет, и, встретившись в своем земном воплощении, никогда не узнаем друг друга.

Я наблюдал за своим другом после его рождения: у него теперь другой папа, родился брат, его мама продолжает учиться и наконец-то счастлива... Думаю, мой друг сделал правильный выбор. Быть может, когда я стану человеком, мы снова познакомимся, но уже никогда не вспомним, как лучшими друзьями с номерами вместо имен заглядывали в окна и вместе влетали в форточки в поисках своих будущих родителей.

Первый раз после ее отпуска на море я увидел Леру в кабинете врача. Она лежала на кушетке, а белокурая дама в белом халате, что сидела рядом, небольшим приборчиком водила по ее животу. На экране, которого моя мама не видела, было черно-белое изображение маленького человека. Это был я! Тот, что внутри. Мое будущее тело.

– Какой у вас бэбик послушный. Я его попросила пошевелиться, и он сразу пошевелился, – сказала белая дама, и мама заулыбалась.

– А видно уже кто: мальчик или девочка? – поинтересовалась она.

– Нет, рано еще. Срок 10—11 недель. Сделать вам его фотографию?

– Конечно! Покажу послушного бэбика папе.

Фотография, которая тут же вылезла из принтера, упала на пол.

– Чудеса какие-то, – удивилась дама и, нагнувшись, наполовину скрылась под столом.

Мне так не терпелось посмотреть на свою первую фотографию, что я устроил эту маленькую шалость. Сидя под столом, я пытался разглядеть будущего себя, но ничего, кроме маленького пятнышка на пестром серо-черном фоне, не увидел.

Лера оделась, взяла маленькую бумажку и в коридоре медицинского центра, где случилось ее первое УЗИ, принялась меня разглядывать:

– Вот тут, наверное, ручки, а это – ножки, – водила она пальцем, думая о том, как покажет первое фото их малыша Виктору. В последнее время он становился все мрачнее, и это ее пугало.

А на работе рядом был Артем, который ни о чем не знал. Он лишь видел, что с Лерой что-то происходит, но на его вопросы она всегда отшучивалась. Вместе они больше никуда не ходили, и все общение сводилось к тому, что они отправляли друг другу сообщения. Чаще это происходило по его инициативе.

Однажды такая переписка привела к конфликту. В тот вечер Артем, видимо, напился где-то с друзьями, и «тормоза отказали». Он уже окончательно влюбился в свою рыжеволосую коллегу, и, переживая, что не вызывает ответных чувств, с регулярностью каждые двадцать минут писал ей всякие глупости.

«Хочу хочу хочу хочу хочу хочу хочу хочу. Твой маленький зеленоглазый хочун», – получила Лера и не могла не улыбнуться. Как раз накануне после какой-то очередной редакционной вечеринки они говорили с Артемом о сексе и об отношении к нему. У него оказался крайне скудный опыт общения с девушками, хотя он и вырос в исключительно женском обществе: мамы и сестры. Мать, еще молодая и интересная женщина, часто меняла мужей, сожителей и любовников, а сын ее молча осуждал. Известие о том, что у шестнадцатилетней сестры появился парень и у них близкие отношения, повергли его в шок, и первым человеком, с которым он захотел поделиться своими переживаниями, стала Лера.

– Ну, а что ты хочешь, сейчас девочки еще раньше начинают, – попыталась успокоить его она.

– А ты во сколько... начала?

– По нынешним меркам, поздно, – засмеялась она: – В восемнадцать.

– Вот видишь! А Полинке всего шестнадцать!

– Ну и что... Я ж не эталон.

– Для меня – эталон, – сказал он без тени улыбки, глядя ей прямо в глаза.

Лере стало не по себе, и она предпочла свести все к шутке:

– Стоп, стоп, а то еще разовьешь во мне манию величия.

– Лерию величия, – пошутил Артем.

– Ой, а это вообще не дай Бог, – расхохоталась Лера. Ей нравились шутки с игрой слов, как и те, кто умел ими играть.

После работы они в сумерках сидели на лавочке в ближайшем парке. Неожиданно разоткровенничавшись под влиянием баночки джин-тоника, коллега поведал ей о собственном сек-

суальном опыте, который заключался лишь в том, что год назад его напоила и соблазнила женщина в два раза старше его. Попытки построить отношения с девушкой более близкого возраста к желаемому результату не привели. Артем рассказал о своей семье, о безответственном отце, которого в последний раз видел в глубоком детстве. После развода к матери не зарастала тропа поклонников. Сестра Полина родилась от второго мужа, после него был и третий, и четвертый, уже неофициальные... Последний супруг оказался человеком щедрым и оставил своей гражданской жене довольно крупную сумму. Долга. И недавно их семье пришлось продать квартиру, чтобы с ним расплатиться. Рассказывая об этом, Артем был похож на маленького обиженного ребенка, и мне стало жаль его. Я понял, почему так хотел видеть его своим папой: он и в самом деле был ребенком – добрым и открытым, капризным и упрямым... Мне кажется, мы бы хорошо понимали друг друга.

– А где ты сейчас живешь-то? – спросила Лера.

– Снимаю однушку на Просвете. Заезжай в гости, я диван купил. Дома виноград есть, фильм какой-нибудь посмотрим. У меня сегодня такое... киновиноградное настроение, – Артем наглед с каждой минутой.

– Презентация дивана?

– Ну, типа того. Надо же обновить!

– Зайду как-нибудь. Позже. Если у тебя будет горячая вода. А то у меня как раз скоро отключат, – отшутилась Лера. Ей почему-то не хотелось сообщать Артему, что у нее есть с кем «обновлять» диваны. Видимо, этот разговор дал ему повод думать, что между ними что-то возможно, потому что следующее сообщение, полученное ею в тот злополучный вечер, было следующего «поэтического» содержания:

Я толстой важной птицей

Влечу к тебе окно

И тонкой влажной спицей

Войду в твое лоно.

Лера прыснула. Во дает! «Я поэт зовусь Незнайка...» В этот момент телефон внезапно оказался в руках Вити:

– Это кто моей девушке пишет такие сообщения?

– Да петрушка один с работы, – махнула рукой Лера, давая понять, что это несерьезно. – «Напился в чебуречной „Ялта“ и телеграфирует». Не бери в голову.

– Как это не бери в голову? Дай-ка я ему позвоню!

– Ой, Вить, не надо... Не порти человеку настроение, жалко, что ли, – пусть дурачится.

– Я не порти человеку настроение? – взревел Виктор. – А мне он, значит, может портить настроение своими идиотскими стишками?

– Ну... Он же не тебе их шлет.

– Он шлет их моей девушке!

– Для твоей девушки они не имеют никакого значения, – очень спокойно произнесла она.

– А для меня – имеют! Значит, он не уважает меня! – Виктор стал похож на быка перед корридой, было ощущение, что у него скоро задымятся ноздри.

– О Господи, Витя... Да он вообще тебя не знает! Как он может уважать того, о ком ему ничего не известно? – поморщилась Лера. Ей совершенно не хотелось продолжать этот разговор.

– Ах, вот, значит, как! Значит, он не в курсе, что у тебя есть мужчина, ты ему об этом не сообщила... – его голос все больше набирал силу. – Запасной вариант? – взревел он.

– Витя, да ты что, перестань говорить глупости... Какой может быть запасной вариант, если у нас с тобой через семь месяцев ребенок будет!

– Не хочу я никакого ребенка! Я его сразу не хотел и продолжаю не хотеть. Пойми, я никогда не женюсь на женщине, которая не может создать дома ни уюта, ни порядка, вообще – ничего!

У Леры внутри все похолодело. Она физически ощутила, что такое «комочек в горле». Из-за него она не могла произнести ни слова. Да и что она могла сказать? Моя мама молча встала со стула и пошла к входной двери. Витя остался в комнате. Она обулась, взяла куртку, открыла дверной замок и вышла, негромко закрыв за собой дверь. Забыв про лифт, Лера стала спускаться с седьмого этажа по лестнице. Перед глазами были ступеньки, и на каждой горели огромные огненные буквы: «НЕ УХОДИ».

– Я не могу, – отвечала она этим надписям. – Не могу...

Слезы подступили к глазам, но дальше не шли.

Наверху открылась дверь, и послышался Витин голос:

– Лера!

Комочек был на месте и продолжал мешать.

Пауза. Еще раз:

– Лера!

Тишина. Дверь закрылась.

Автобус подъехал сразу, будто специально за ней. Лера смотрела в заднее стекло на удаляющийся дом, где был зачат их ребенок, которого она так давно хотела. Она уезжала, понимая, что это, скорее всего, конец. Если бы она не ушла – возможно, все могло пойти по-другому. Ведь с ее чувством юмора можно было свести разговор к шутке, сказав, например: «Знаю, знаю, что не умею поддерживать порядок в доме, но ты же в этом профи и дашь мне пару мастер-классов по уюту?» Но она не сказала. Такое легко только в теории, – если бы люди так спокойно реагировали на то, что их задевает, статистика разводов была бы совершенно другой.

«НЕОН» – она снова проехала мимо того самого рекламного стенда.

И тут слезы дали себе волю. В автобусе Лера плакала беззвучно, чтобы не привлекать внимания, но, когда вышла на своей остановке, проходя через парк, где не было ни души, зарыдала в голос. Ей было жалко себя, жалко своего будущего ребенка, а еще ей было просто страшно. Страшно за свое будущее. Она не хотела стать матерью-одиночкой. Да и просто любила Виктора, но навязать ему ребенка и себя в качестве спутницы жизни не представлялось возможным. А без ребенка... А как без ребенка? Он ведь уже есть. А если его не будет, то как такое можно простить? Лера была уверена, что после этого вместе быть невозможно.

– Подумаю об этом завтра, – вспомнились ей слова Скарлетт из «Унесенных ветром» – одной из любимых книг ее детства.

«Бедный малыш, – думала Лера, лежа дома на своем старом диване. – Он ведь, наверное, все слышит и все чувствует. И понимает, что я сейчас могу сделать непоправимую для него вещь».

Я действительно все слышал и все чувствовал. Я бы рвал на себе волосы, если бы они у меня были, из-за того, что все складывалось именно так, ведь изначально я мог это предотвратить.

Виктору не было предназначено стать моим отцом, поэтому пазл и не складывался. Позже он непременно найдет себе подходящую жену, что будет терпеливо ждать его с работы с разогретым ужином, закрывать глаза на его неночевки дома и родит дочку Катю, которую он давно запланировал. Как в эту нить вплелась Лерина – непонятно... Какой-то недобрый рок. Она была временным человеком в жизни Виктора, как и он в ее, и, единожды расставшись, не стоило соединяться снова. Но моя мама по собственной воле дважды вошла в одну воду, и это стало ее главной ошибкой. Уходя – уходи.

А я – не помог, чем наказал и ее, и себя. Если она сейчас избежит от ребенка, ей уже нельзя будет стать моей мамой. А другую я могу начать искать не раньше, чем через два года.

Этот срок мы находимся на «исправительных работах»: помогаем ангелам-хранителям в их нелегких ежедневных делах, – такова расплата за ошибку. У помощников ангелов не бывает ни одной свободной минуты, и совсем некогда думать о своем будущем рождении.

Весь следующий день Лера ждала Витиноного звонка. Эта неделя была последней, и нужно было что-то срочно решать. После двенадцати недель беременность прерывают только по медицинским показаниям, а в женской консультации, где Лера уже успела встать на учет, сказали, что все идет прекрасно. Теперь даже мысль о том, чтобы избавиться от ребенка, которого она так хотела, приводила ее в ужас.

Звонок случился вечером третьего дня.

– Алло.

– Алло, привет, – после этих слов могло произойти чудо, но его не произошло. Виктор чужим холодным голосом сообщил, что хочет, чтобы она сделала аборт. Она ждала этой фразы, но когда услышала, разревелась, как маленькая, и крикнула в трубку:

– А давай... давай лучше тебе... тебе внутри что-нибудь вырежут безо всяких на то медицинских показаний!

– Это все эмоции, Лерочка, – отрезал Виктор. – В общем, решено. Я заеду послезавтра утром, и поедем к твоему любимому доктору.

Он повесил трубку.

На следующий день Лера взяла отгул и сидела дома на диване, обхватив колени руками и думая, как поступить. Ей было двадцать два года. Рожать одной было страшно. Впереди диплом, недавно устроилась на новую работу – начальство не одобрит такой поспешный уход в декрет. Родители люди творческие – сегодня здесь, завтра там, регулярно помогать ни материально, ни физически не смогут. У нее было ровно сутки на размышление: завтра был операционный день у того самого профессора.

Я хотел отправить ей сон, который придумал заранее, когда она отдыхала на море, будто предчувствовал то, что происходило сейчас. В этом сне мама стоит на солнечной лужайке, а в руках у нее – связка разноцветных воздушных шаров. Они тянут ее в небо. А рядом с ней мальчик лет пяти – такой, каким я буду потом, – просит: «Мама, не улетай!». Но я не стал посылать такой сон, вдруг осознав, что не хочу влиять на ее решение. Я не хотел, чтобы из-за моей ошибки она оказалась навсегда связана с этим случайным в ее жизни человеком.

– Пойми одно, – сказала Лере по телефону подруга Аня. Она была старше и мудрее на девять лет, и первый малыш, тот самый Рома, благодаря которому я почувствовал желание Леры стать матерью, появился у нее всего полгода назад. – Мужики приходят и уходят, а дети остаются с нами всегда. Если тебе нужен именно ребенок – оставляй. Если же ты хочешь родить его только ради того, чтобы быть вместе с Витей – то, наверное, не стоит. Я тебя люблю и поддержу в любом твоём решении.

Моя мама просидела на диване до ночи и приняла решение в мою пользу. Еще одна подруга, Надя, хорошо знавшая Лерину ситуацию, позвонила вечером, чтобы узнать, что та надумала:

– Ну, может, и правильно, – с некоторым сомнением в голосе отреагировала она.

– Правильно-правильно, – авторитетно одобрил решение ее отец, наблюдающий за жизнью дочери со стороны и мало что знавший о ней. – Надо рожать. Прерывать первую беременность опасно.

– Не знаю, Лера, я бы, наверное, не советовала. Я давно поняла, что Витя – не твой человек, – в приватном разговоре высказала свое мнение ее творческая мама.

Утром человек приехал, и она молча впустила его в квартиру. Увидев мать своего нежеланного ребенка в постели, Виктор изменился в лице:

– Что, решила рожать?

– Решила, – Лера сидела под одеялом в той же позе, что и вчера, и старалась выглядеть спокойной.

– Что ж, мой милый Рыжик, рожай, дело твое. Только меня ты больше никогда не увидишь.

– Ничего, когда ребенок родится, сделаем анализ ДНК, подтвердим твое отцовство, и будешь платить алименты, – огрызнулась будущая мать, натянув до подбородка одеяло.

– Вот как ты заговорила, Лерочка! – он был вне себя от злости. – Давай. Только знай, дорогая моя, что официальная зарплата у меня восемьсот рублей. Тебе отойдет целая четверть! – с нехорошей усмешкой съязвил он.

Я видел, с каким ужасом Лера смотрит на Виктора.

В этот момент мой нежеланный отец в самом деле выглядел жутко, с жестоким, искаженным от злобы лицом, похожим на лицо монстра.

Я услышал мысли моей мамы: «А что если родится мальчик, и лет через двадцать я на этом же самом месте увижу точно такое лицо?»

Решение, к которому она шла весь вчерашний день, изменилось в одну секунду.

Мне почему-то не было страшно. Наверное, так чувствуют себя солдаты на войне, когда понимают неизбежность смерти, зная, что это поможет кого-то спасти.

Витя сказал, что ждет ее в машине и вышел. Лера слышала, как в коридор выскочила мать, которая, я видел, не спала почти всю ночь, и со свойственной ей повышенной эмоциональностью выкрикнула:

– Я хочу, чтобы у моей дочери родился сын или дочь. А Вы, Вы... Будьте Вы прокляты! – эти слова раздалась одновременно с хлопком дверью.

Проклятый ретировался.

Лера быстро оделась и позвонила Наде, которая недавно сдала на права и как раз нуждалась в водительской практике на своей первой машине:

– Надюх, утро добрым не бывает. Все изменилось. Он приехал, и я передумала. Заедешь за мной на Мориса Тореза, 72, к двенадцати? А то на автобусе после операции как-то стремно. А с ним я не поеду.

– Конечно, заеду. Держись там!

– Держусь, куда деваться...

Матери в коридоре уже не было.

Лера вышла на улицу и села в машину. По дороге до больницы они с Витей не сказали друг другу ни слова. Дальше тоже все происходило в молчании: осмотр, анализы, переодевание в ночную сорочку – для нее все было будто в полусне.

Виктор полностью взял на себя финансовые вопросы. Профессор Жигалов, который должен был оперировать, зная и видя ситуацию, попытался заговорить с молодым человеком, но быстро понял, что это бесполезно. Витя, несмотря на мучившие его жалость к Лере и стыд за свой поступок, испытывал чувство облегчения, что еще немного, и он избавится от этого балласта.

Мне было очень больно. Не физически, конечно. Физически было больно Лере, но, к счастью, люди придумали внутривенный наркоз. Я видел все, что происходило в операционной. Видел то, что могло бы вырасти и стать моим телом, но теперь никогда им не станет. Врачи переговаривались между собой на личные житейские темы. Происходящее для них было рутинной, ежедневной работой, как сотрудникам почты наклеивать марки на конверты. Сколько таких же душ, как я, потеряли надежду родиться здесь, в этом маленьком помещении, пахнущем лекарствами и кровью...

Лера еще спала. У нее пока не было «после».

Я мысленно прощался с этой удивительной, сильной и слабой девушкой, которая могла бы стать моей мамой. Я уже успел очень крепко полюбить ее и не хотел для себя другой. Но, по нашим правилам, возврата быть не может.

Когда Лера пришла в себя после наркоза и оделась, в холле ее уже ждала Надя. Рядом с ней на кожаном диванчике сидел бледный Витя. Лера обняла подругу и, уткнувшись в ее плечо, сказала, не глядя в его сторону:

– Не хочу тебя видеть никогда-никогда-никогда...

Девушки сели в машину. За окном появилась Витина фигура с литровым пакетом апельсинового сока в руках. Он открыл дверь и поставил его на пол рядом с Лерой:

– Вот. Тебе. А ключи от квартиры когда отдашь?

– Выброшу в форточку. Найдешь под окном, – она закрыла дверь.

Нить, два с половиной месяца соединявшая их благодаря мне, натянулась и порвалась, когда машина отъехала.

Теперь я мог находиться рядом с Лерой не больше суток. Потом меня ждал разбор моих полетов: как же все так вышло, как же вы допустили и тому подобные бла-бла-бла... Ну и, по традиции, приставят меня к какому-нибудь раздолбаю-ангелу-хранителю, не справлявшемуся со своими обязанностями, и буду я подмастерьем на ближайшие два года – вытаскивать его подопечных из внезапных передраг. И снова вспомнилось из «Федота-стрельца»:

Сознаю свою вину.

Меру. Степень. Глубину.

И прошу меня отправить

На текущую войну...

Снова в точку. Не справился – заработал наказание. Ну что ж, будет время подумать о бренности всего сущего. Целых два года. Я решил побыть рядом с Лерой еще один день, пока меня не станут искать. Информация о том, что душа осталась без дела, очень быстро поступает наверх. Но сутки у меня еще есть. Я хотел убедиться, что с мамой все будет в порядке.

Весь остаток дня Лера пролежала, уткнувшись в подушку. Не спала. Не плакала. Ни о чем не думала. Вечером позвонила какая-то Маша и чем-то насмешила Леру. Та хохотала, как ненормальная. Даже отец отвлекся от дел и заглянул в ее комнату, не веря своим ушам, вероятно, решив, что дочь сошла с ума.

На следующий день мать уговорила ее пойти прогуляться. День был солнечный, небо не по-питерски безоблачное и голубое-голубое. А в небе летели птицы – точно как и мы, души, только намного ниже, и их всем было видно. Мне оставалось быть рядом с моей несостоявшейся мамой меньше часа. Я зарылся в ее пушистые рыжие волосы, и мне невыносимо захотелось плакать от того, что больше никогда не увижу ее.

– Прости, что так вышло, – шепнул я ей.

Она посмотрела наверх на летящих клином птиц, и глаза ее наполнились слезами. Лера вдруг медленно опустилась на колени и громко зарыдала. Та, что могла бы стать моей бабушкой, растерялась. Женщина совершенно не знала, что делать, и только причитала, присев на корточки и глядя дочь по голове:

– Ну, Лерочка, что ты, что ты... Все пройдет. И это тоже пройдет. У тебя еще обязательно будут дети. И человек будет. Намного лучше этого! Обязательно будет! Сегодня праздник большой – день Веры, Надежды и Любви, я тортик испеку вечером, подружек своих позовешь, посидим все вместе. Ну, успокойся, пожалуйста!

А Лере хотелось зажмуриться, а потом открыть глаза, и как будто ничего не было. И чтобы они снова были вместе с Витей. Несмотря на то, что разум не мог простить того, что случилось, она вдруг поняла, что сердце уже простило, и ей не было нужно ни это небо, ни

эти птицы, ничего – без него. Но возврата не будет. Ведь нет главного, ради чего стоило быть вместе – их ребенка. Такое простить она не могла. Ни ему, ни себе.

Невидимые нити уже тянули меня наверх, и я не мог контролировать себя: пришло время вернуться в родные пенаты.

– Прощай, мам, – напоследок сказал я ей.

– Прощай, – вдруг произнесла она, посмотрев на небо.

Когда я вернулся, главного на месте не было – он улетел вместе с другими ангелами-хранителями на место аварии туристического автобуса. Пока ангелы увлеклись игрой в лото, автобус разбился, и много туристов получили травмы. Как раз к таким невнимательным крылатым охранникам обычно и приставляли помощников из числа опростоволосившихся душ. Считалось, что два неудачника должны положительно влиять друг на друга, и это непременно вызовет взаимное исправление. Вроде как минус на минус должен давать плюс.

Я сел и стал ждать, к кому меня определят.

– Привет, – раздалось рядом.

– Здравствуйте, – повернулся я на голос.

Рядом со мной сидел внушительных размеров ангел. Выглядел он как обыкновенный парень лет тридцати, только с очень бледным лицом. Волосы у ангела были до плеч, черные-пречерные, как вороново крыло, и явно давно непричесанные. Из-за спины виднелись сложенные крылья, такие же огромные, как он сам.

– Ну что, давай знакомиться?

– А надо? – поначалу я отнесся к нему настороженно.

– Ты М-04041999?

– Я.

– Меня зовут Элиас. С этой минуты я твой непосредственный начальник, а ты, соответственно, мой помощник. Надеюсь, у тебя получится справляться со своими обязанностями лучше предыдущей сотни. (Я понадеялся, что он шутит.) Номер М-04041999 с сегодняшнего дня в течение двух лет будет неактивен. Ты можешь сам придумать себе новое имя, а то мне сегодня что-то ничего в голову не приходит.

Крылья у ангела были немного помятые и с сероватым оттенком. Давно не мешало бы под очистительный дождь. «Творческая личность, – предположил я. – Наверняка тоже стихи пишет, как мама Леры». Глаза были серо-зеленые и очень добрые. Хотя какие еще глаза могут быть у ангела? И еще у него были очень красивые пушистые ресницы. Слишком выдающиеся для ангела неженского пола.

– А воспитательная беседа... отменяется? – уточнил я.

– Откладывается, – и он зачем-то несколько раз поводит сомкнутыми губами вправо-влево. – Да ты ведь и сам знаешь свои ошибки. Но, когда главный вспомнит про тебя, не сомневайся, он тебя вызовет. А теперь ты мой. Скучать не придется, под моим крылом семь человек, но я пока не решил, кем именно ты займешься. До завтра тебе надо придумать имя. А сейчас я полетел, есть еще одно дело сегодня. Встретимся завтра в это же время здесь же.

Он улетел, громко хлопая крыльями.

Имя... Надо придумать себе имя. Может, взять себе какое-нибудь человеческое? Может, назваться Артемом, в честь милого бородатого юноши? Нет, нужно что-то более значимое и умиротворяющее. И покороче. О! Пусть я буду Мир! Звучит всеобъемлюще. И Элиас сможет при случае сказать: «Я пришел с Миром!» В смысле, прилетел. Да, красиво. Пусть так и будет. Буду дарить миру себя.

Пока у меня появилось свободное время, я решил навестить своих приятелей. У них как раз были вечерние танцы. Увидев меня, Д-16121998 вскрикнула:

- О, привет! Как ты?
- Разве вы еще не знаете? Ничего не получилось. Меня на два года отстранили.
- Да ты что... – с сопереживанием в голосе протянула она. – Ужасно жалко. Он все-таки оказался негодяем, как ты и предполагал?
- Как-то так.
- Ох, я тебе очень сочувствую! Ну, может, через два года...
- Да уж наверняка, – я попытался придать голосу оптимизм. – А как твои дела?
- О, у меня все прекрасно! – защebetала она. – Правда, сначала мне показалось, что возможен сценарий, похожий на твой, но папа, к счастью, одумался. Оля собирается с духом вот-вот окончательно выяснить отношения с мужем, а потом вместе с моим будущим братом переехать к Володе. Правда, здорово?
- Здорово, – сказал я без восторга.
- А вчера я ей приснилась, ну... для убедительности, – продолжала Д-16121998. – И с утра она написала моему папе сообщение: «Мне снилась девочка, похожая на тебя».
- А он?
- Он ответил, что, говорят, если девочка похожа на отца, значит, будет счастливая.
- Повезло тебе... – хотя я был рад за нее, мне все равно стало грустно.
- Ой, не говори. И тебе обязательно повезет! Подумаешь, два года! Пролетят, и не заметишь! – она вспорхнула с места. – Я полечу, ладно? Сегодня решила побыть рядом с папой.
- Конечно, лети.
- Остальные «М» и «Д» занимались тем, что хаотично летали и устраивали друг с другом такие же трехминутные разговоры.
- Между нами редко случались привязанности, как та, что была у меня с другом, который уже родился. После я так и не смог найти себе близкую душу. Улетая, Д-16121998 успела разболтать о моей незавидной участи сразу нескольким душам, и теперь они по очереди подлетали ко мне, чтобы посочувствовать.
- У меня было такое, пять лет назад, – сказал один из них. – После этого совершенно ничего не хотел делать, однако ангел, к которому меня приставили, завалил меня заданиями по самое «не хочу». Это так здорово отвлекло меня от мрачных мыслей, что их нет до сих пор. Правда, теперь я очень осторожен в выборе.
- А ты что-нибудь знаешь о той, которая решила не родить тебя?
- Нет. И не хочу. Я очень сильно обиделся тогда. Ничего не хотел о ней знать. Вроде, слышал, у нее кто-то родился потом... Не думаю, чтобы она очень переживала из-за меня. Легкомысленная попалась особа, больше такую ни за что не выберу. А твоя что, тоже оказалась дурой?
- Нет, зачем так грубо? Она отнюдь не дура.
- Чего ж тогда? Просто испугалась ответственности? – он был мудр не по годам.
- Наверное... Я еще не понял, – неуверенно ответил я.
- Ну и забудь. Живи настоящим. А о ней забудь, совсем. Как будто б ее и не было вовсе.
- Я так не могу...
- А ты смоги. Я же смог!
- А мне кажется, ты все равно помнишь. И до сих пор обижаешься, – сказал я ему, и ему это не понравилось.
- Возможно, – отреагировал он. – Но я стараюсь не думать об этом. Просто решил, что теперь буду искать себе в мамы серьезную, умную женщину лет сорока, для которой буду последним шансом. Чтобы мечтала обо мне лет десять минимум. И папа вместе с ней. Такие родители точно не наделают глупостей.
- Мудро. Что ж, удачи тебе!
- И тебе, друг. Как тебя теперь величать-то?

– Мир.

– О, сильно! Смотри, имя обязывает. Надо оправдывать.

– Я постараюсь, – заверил я.

И мы разлетелись в разные стороны.

Мне уже не терпелось приступить к моим новым обязанностям. О Лере я старался не думать.

Элиас опоздал на встречу, но это его, похоже, нисколько не беспокоило. В руках он держал бумагу с именами тех, кому была нужна наша помощь, рядом с каждым ангел обозначил текущую проблему. Одобрив мой выбор имени, он перешел к делу:

– Итак, Мир, смотри. Вот трое бедолаг, у которых вечно что-то не ладится. Конечно, у меня есть и другие, но с ними не возникает столько проблем. А эти... у них постоянно что-то происходит, причем всегда внезапно. И отнюдь не всегда хорошее. Они все время куда-то не туда сворачивают с предначертанного им пути. И – что самое забавное – двое из них недавно познакомились друг с другом. Но давай обо всем по порядку.

Владимир. У него давно уже должна быть семья и две чудесные дочки. И что делал он? Торчал целыми днями в своей комнате, отрастил ужасную бороду, а на девушек не обращал совершенно никакого внимания. Из-за него и у Марины, которая должна была стать его женой, все пошло наперекосяк: от одиночества она ушла жить в монастырь. В итоге приняла монашеский постриг, хотя, как говорится, ничто не предвещало. Вполне себе социальная личность. Сейчас живет в православном монастыре под Иерусалимом, помогает паломникам. А ведь их девочкам-близнецам могло быть уже по шесть лет!

– И что, Владимир и Марина даже никогда не встретились? – меня взволновала эта история.

– Конечно, встретились! В январе 1994 года на мосту через Фонтанку я помог ей сломать каблук, она стала ловить машину, и Владимир ее подвез. Но при этом всю дорогу молчал... Представь: с тобой рядом сидит твоя судьба, а ты думаешь о том, что дома пустой холодильник, и берешь у нее деньги за проезд! Каково? – Элиас от возмущения хлопнул крыльями. – Володя жил в своей комнате в коммуналке, как в заточении, пока я не устроил его знакомство с одной забавной особой. Нет-нет, не ради того, чтобы у них что-то получилось. Ему нужен был друг, наставник, и лучше, чтобы это была женщина. С ее помощью он по-другому взглянул на мир и стал похож на человека: побрился, стал задумываться о том, чтобы с кем-то встречаться, недавно купил дорогой мобильный телефон.

А благодаря тому, что мы добрые друзья с ангельшей-хранительницей этой дамы, та помогла мне, чтобы ее опекаемая избавила Владимира от одиночества. В общем, я снял это со своего контроля. Первые несколько попыток знакомить его с девушками были не слишком удачные. И вот, наконец, сложилось – даже неожиданно для нее самой. И как я раньше сам не видел среди собственных подопечных хорошую партию для него?! Так вышло, что познакомились они без моего участия. Она – зовут ее Ольга – стала его первой женщиной, если ты понимаешь, о чем я. Ведь наверняка понимаешь, ты ж как никто должен знать, после чего у людей появляются дети... – он вопросительно взглянул на меня.

Я кивнул.

– А сейчас вроде все прекрасно, – продолжил он. – Это, конечно, иной для него путь, не тот, что был бы самым удачным, если бы в 1994-м он лучше разглядел свою попутчицу, но ведь человек сам выбирает себе дорогу, а дорог, Мир, может быть несколько. И задача ангела-хранителя – помочь человеку, направить его... Я крайне рад, что Володя, наконец, влюбился, и испытываю по этому поводу большое облегчение. А одна из ваших, кстати, даже

недавно облюбовала Ольгу как свою будущую мать, – закончил явно утомленный собственным рассказом Элиас. – И отец будущего ребенка – наш герой!

– Ну, так все отлично! В чем же проблема? – не понял я.

– В муже его возлюбленной, с которым их сейчас связывает только штамп в паспорте. Его зовут Клим. Ангел-хранитель давно махнул на него крылом, но его почему-то так никому и не передали. Сейчас Клим предоставлен самому себе. Не в моей власти его контролировать, но скажу тебе по секрету, что этот человек просто опасен. К жене и сыну он относится как к собственности и может причинить вред тому, кто пытается посягнуть на его вещь. Наша задача – попытаться как можно быстрее изолировать от него жену и ребенка. Надо как-то внушить эту мысль либо ей, либо Владимиру. На Клима мы влиять не можем.

– Хорошо. А кто еще? Вы говорили, беболаг трое.

– Про третьего расскажу в следующий раз, я уже на встречу опаздываю. На сегодня и так много информации. Значит, первое задание. Лети домой к Владимиру и посмотри, что там делается. Вот адрес, – Элиас сунул мне бумажку. – Завтра доложишь обстановку.

– Будет сделано, шеф!

Первое, что я почувствовал в комнате Владимира – незримое присутствие одного из наших. Я никого не видел, но душа не родившегося пока ребенка точно была где-то поблизости.

– Вов, принеси мне, пожалуйста, полотенце! – донесся из ванной комнаты приятный женский голос. – Я забыла.

Из-за компьютера встал молодой мужчина среднего роста, открыл дверцу шкафа, взял светло-зеленое полотенце и отправился исполнять просьбу своей девушки. У Владимира были прямые русые волосы и удивительно большие голубые глаза. Такие бывают на иконах – огромные и пронзительные. В остальном он выглядел вполне обычно, на его лице не было и следа описанной Элиасом бороды.

Через минуту в комнату они вошли уже вдвоем с Ольгой, которая вытирала полотенцем мокрые волосы. В этой миниатюрной сероглазой девушке с пшеничными волосами до плеч была какая-то удивительная мягкость и женственность. На ее влажном от капель плече сидела Д-16121998. Увидев меня, она ойкнула и чуть не упала.

– А ты тут как... зачем? – ошалело спросила она.

– Я помощник их ангела-хранителя, – засмеялся я. – Забавное совпадение, да? Так что твоя судьба в моих руках.

– Ой, прям так-таки и в твоих! – фыркнула она. – Я и сама стараюсь, веду на сближение.

– Да, молодец, вижу, что у тебя получается. Значит, будем вести вместе.

Пока мы болтали, между влюбленной парой началось то, о чем говорил мой начальник. И, хотя я уже не был новичком, все равно смутился. Заметив мое смущение, душа будущей дочки столь пылких родителей захихикала.

– Что с тобой? – посмеялась она над моим культурным шоком. – Да они постоянно эти занимаются, когда мама сюда приходит!

– А смысл? Ведь ты же уже там.

– Ну, похоже, им это просто нравится.

Мы сидели на подоконнике, рядом с двумя горшками с землей: в одном росла маленькая елка, а в другом какой-то пышный кустик с красно-зелеными листьями. Было ощущение, что мы в лесу и смотрим фильм для взрослых, на который пробрались тайком.

– Отвезешь меня? – спросила Ольга после «сеанса связи».

– Может, не поедешь? – с жалобными нотками в голосе попросил Володя.

– Ну как ты себе это представляешь? Надо забрать Петьку из садика, и потом, что я скажу Климу? Куда я делась?

– Ляля, тебе давно уже пора сказать ему о нас и о разводе.

– Он, мне кажется, уже и так все понимает. Просто нужно еще немного подождать. В последнее время он какой-то другой стал. Раньше Петьку на него вообще не могла оставить, а вчера пошла к подружке, и он с ним посидел.

– Герой! – с сарказмом усмехнулся Володя. – Пацану пять лет! Привози Петю сюда, я сам с ним посижу. И вообще, переезжайте скорее ко мне. У тебя через пару месяцев уже живот будет виден, – что ты тогда ему скажешь?

– Володь, не надо... Я сейчас, скоро уже, надо только собраться с мыслями. Он меня подозревает, мне кажется, он догадался о чем-то. Я боюсь его. У него в прошлом было что-то криминальное, о чем он мне не рассказывает, просто до меня дошли слухи, что от него всего можно ожидать.

– Хочешь, я сам с ним поговорю?

– Ни в коем случае! Это лишнее. Я сама.

– Ну, смотри, Ляль. Только поставь себе срок – например, две недели. А то так и будешь собираться с мыслями до родов, – он потрепал ее по влажным волосам.

– Не переживай, раньше соберусь, – Ольга нежно улыбнулась ему и закрыла глаза, показывая, что ждет поцелуя.

Володя нежно дотронулся губами до ее губ. Я смотрел на них и радовался, а рядом со мной во весь свой несуществующий рот улыбалась Д-16121998. Душа голубоглазой девочки, похожей на папу, вспорхнула и полетела вслед за желтой «копейкой», на которой уезжали ее родители. Владимир отвозил ее к мужу, который не был отцом ее будущего ребенка. Такого было ее желание, и в силу слабости характера Володя не мог ей долго перечить. А она – в силу слабости своего характера никак не могла сама разрубить этот гордиев узел.

Я последовал за ними. Теперь это была моя миссия.

Выйдя из машины, Ольга и Володя направились к двухэтажному зданию, огороженному забором, внутри которого небольшими группами гуляли дети. Здесь были уже пяти—шестилетние мальчики и девочки, были и совсем малыши, годика по полтора—два. От одной группы отделился светловолосый сероглазый мальчишка лет пяти и с радостными криками побежал им навстречу.

– Мама, мама, ты пришла! Привет, Володя, – увидев рядом ее спутника, обрадованно сказал он.

– Привет, Петь, – знаешь, что мы тебе купили?

– Трансформеров? – в голосе мальчика звучало ликование.

– Угадал! Беги, попрощайся с Еленой Владимировной, и пойдем домой, – она ласково потрепала сына по волосам.

– Если хочешь, Петька, можем зайти в кафешку тут рядом, – Володя сел на корточки перед малышом.

– Хочу-у-у-у! – мальчик вприпрыжку побежал прощаться с воспитательницей.

– Елена Владимировна! Елена Владимировна! А мы сейчас с мамой и Володей в кафе пойдем, они мне шашлык купят, – слышался его радостный голос. – И мороженого!

– Видишь, они уже как настоящая семья, – сказала мне Д-16121998. – Ух, как же я хочу поскорее родиться, чтобы они меня, наконец, увидели! Знаешь, что сказал Петя нашей маме, когда впервые познакомился с Володей?

– Что?

– Я хочу, чтобы у меня был такой папа...

– Так и сказал?

– Слово в слово!

– Да... Значит, ему точно не хватает чего-то в их семье.

– Конечно. Клим, муж мамы, с самого начала мало общается с ним, всегда занят другими делами. Петька его почти совсем не воспринимает, даже зовет не папой, а просто по имени – Клим. А Володю уже дважды папой назвал. Ему было это так приятно! Я это прямо почувствовала!

Д-16121998 была невероятно эмоциональным существом. Она была готова смеяться и плакать одновременно. Я с трудом мог представить ее душой будущего мальчика. Все-таки мы, мужчины, в большинстве своем более спокойные и рассудительные. А она такая смешная! Но этим и очаровывает. Должно быть, с годами из нее может получиться девушка по характеру похожая на Леру, чувства к которой так и не отпускали меня, и даже смех Д-16121998 часто напоминал мне Лерин...

Интересно, как она сейчас, о чем думает, вспоминает ли обо мне? Может, присниться ей? Только зачем? Чтобы сделать ей больно? Я не хотел этого. А может, прилететь и как-то дать понять, что не сержусь и все равно люблю ее? Подумаю об этом завтра, как говорила Лерина любимая героиня Скарлетт. Сейчас нужно разобраться в текущей ситуации, чтобы доложить обстановку Элиасу.

После кафе Володя отвез Ольгу и Петю к их дому, где они жили в небольшой квартирке на третьем этаже. Судя по темным окнам, дома никого не было. Клим еще не вернулся.

– Скажи ему, Ляля, – обняв ее на прощанье, еще раз попросил Володя.

– Скажу, вот наберусь духу и скажу.

– А где он сейчас?

– На работе.

– На выходные сможешь выбраться ко мне?

– Думаю, да, Клим едет на охоту на бобров, ружье свое старое уже начистил. Его не будет два дня.

– Все от него зависит... – с досадой в голосе произнес Володя. – А если бы не ехал?

– Не мучь меня, Вов... – чуть не плача, ответила она и медленно пошла к дому. Петька, во время разговора возившийся в песочнице, последовал за ней. И мы вдвоем тоже.

Клим вернулся домой к ночи, когда все уже спали. Он был пьян. Этот, совершенно неприметной внешности, среднего роста сорокалетний мужчина имел очень маленькие колючие пороссячьи глазки: не в пример огромным иконописным глазам того, кого любила его жена.

Стараясь не шуметь, Клим съел приготовленный для него ужин, достал бутылку пива, открыл ее о край стола, стал пить из горлышка и смотреть в окно. Когда он держал бутылку, я обратил внимание на его руки: они были будто изрезаны мелким стеклом. Совсем недавно тайно от жены он прочитал всю ее переписку с Володей, где тот ласково называл ее Лялей. В бессильной злобе Клим колотил кулаком по мебели.

– Неожиданно распахнулось окно, дверца была открыта и, видимо, сильно хлопнула от ветра, – сочинил он маловероятную легенду для жены, чтобы оправдать разбитую дверцу серванта.

Итак, Клим обо всем знал, не знал лишь о беременности жены. Допив пиво, он разделся и лег рядом с ней. Он долго смотрел на спящую Ольгу, а потом шепотом произнес:

– Если уйдешь от меня к нему, я его убью.

Отвернувшись к другой стенке, он довольно быстро захрапел.

Я испытал пронзительный ужас от негативной энергии, которую источал этот человек. Почему ангел-хранитель оставил его? Как так вышло, что никто не помог ему полюбить себя? Или же – наоборот – он любит только себя? В вопросах психологии я силен не был, но все равно понимал, что его поведение – реакция на то, что он чувствует себя никому не нужным. Люди с таким ощущением ведут себя по-разному: кто-то начинает доказывать, что чего-то стоит, кто-то может впасть в депрессию, кому-то в голову приходят ужасные мысли о собственной смерти,

а кто-то начинает мстить всему миру за собственную ничтожность. Последние два варианта одинаково ужасны.

Как вдохнуть в этого озлобленного человека добро? И возможно ли это? С этими мыслями я полетел на встречу с Элиасом.

– Что скажешь, Мир? – спросил меня Элиас. Сейчас он выглядел гораздо опрятнее.

– Вы сегодня какой-то другой... – вот что я сказал.

– Да, у меня была романтическая встреча, вот – привел себя в порядок, – Элиас легким движением руки откинул со лба прядь чистых волос. Он был явно доволен собой.

– Свидание? – уточнил я.

– Считаю, что свидание.

– А разве у ангелов бывают свидания? – спросил я с недоверием.

– А почему нет? Мы же тоже в какой-то степени люди, и человеческие слабости нам не чужды. А то мы бы в них совсем не разбирались, – улыбнулся он. – И ни о чем меня больше не спрашивай, любопытная ты душа! Так что насчет нашего бедолаги?

– Мне кажется, у них с Ольгой все замечательно. А с нашей стороны было бы ещё лучше, если бы мы нашли нового ангела-хранителя этому Климу, и ему тоже стало бы хорошо. А еще я там встретил одну знакомую душу, она как раз должна родиться у Ольги.

– Как у тебя все просто, малыш! А человеческие чувства, такие, как ревность, чувство собственности, месть?.. С ними невероятно трудно бороться! Нужно немало времени, чтобы они сами утихли. А у нас его нет, времени. Поторопилась немного твоя знакомая душа, и куда я смотрел?.. – по лицу Элиаса было видно, что мысли его где-то далеко. – А назначить ангела-хранителя Ольгиному мужу – не в нашей компетенции.

– Вы не переживайте, я подумаю, что можно сделать. И что-нибудь обязательно придумаю.

– Да? – он удивленно взглянул на меня. – А ты молодец, малыш! Перспективы у тебя большие.

– А кто третий-то? – поинтересовался я.

– Кто третий? – Элиас опять отвлекся.

– Ну, третий человек, которому я должен помочь. Вы обещали рассказать о нем. Какая у него проблема?

– А, да! Это девушка, ее зовут Маша. И она тоже беременна. Тебе, как нарочно, подобрались такие случаи, прямо по твоему профилю. Надеюсь, эти задания отвлекут тебя от грустных мыслей. Ведь тебе, наверное, грустно, малыш? – он неожиданно с какой-то почти отеческой нежностью посмотрел на меня.

– Спасибо, уже немного отвлекли.

– Вот и славно, – улыбнулся Элиас.

– Так что не так с этой Машей? – поинтересовался я.

– Маша совсем юная, она студентка второго курса факультета иностранных языков. Девушка необычная и эмоциональная. Из-за того, что у нее не ладилась отношения с мамой, ушла из дома в шестнадцать лет и стала жить с бабушкой. Старушка через год умерла, завещав квартиру внучке. А на ее похоронах Маша познакомилась с молодым человеком – внуком бабушкиной подруги из другого города, который сопровождал пожилую женщину. У ребят так быстро все завертелось, что через два месяца они уже поженились.

И ведь этого Николая не должно было быть на тех похоронах! – вдруг повысил голос Элиас, как будто внезапно рассердился на самого себя. – Такого развития событий я никак не планировал, у Маши был совсем другой путь, ей вообще не судьба жить в этой стране, а тут этот незапланированный муж... Мне кажется, он даже не любил ее, а просто заморочил голову.

Парень так торопился, что им даже пришлось брать разрешение на регистрацию брака, потому что Марии еще не было восемнадцати лет. Негодяю просто хотелось остаться жить в Питере, вот и прибился к наивной девчонке, воспользовавшись Машиной юностью и открытостью. Я видел его и уверен, что прав.

Вот так, – вздохнул ангел. – Иногда люди думают, что их судьба вершится здесь, то есть свыше, но зачастую они творят ее сами, стоит нам, ангелам-хранителям, на секунду отвлечься. Где я был в тот момент, не помню, может, были срочные дела у других, она ж у меня не одна. А некоторые считают, что случайностей не бывает, но они, увы, бывают. И вот, пока я отвлекся, попался на ее пути этот придурок! Ой, ты этого не слышал. А то меня оштрафуют за сквернословие.

– А кто сквернословил? Я ничего не слышал, – улыбнулся я.

– Молодец, – похлопал он меня по плечу. Вы спросите, откуда у меня взялось плечо? Дело в том, что Элиас видел меня, но таким, каким ему хотелось, а каким именно – я не знал. – В общем, теперь она беременна от него, в то время как они уже разъехались. Он встретил другую женщину, старше него и весьма состоятельную. Теперь Машка мечется, не в силах понять, оставить ли ей ребенка. Со всех сторон советуют разное, и она никак не может решить. А этому Коле все равно, он даже сказал ей, что не уверен, что ребенок – его.

– Я должен помочь ей принять решение сохранить малыша?

– Точно, мой ты умница! Другого варианта быть не должно. Я уверен, что у тебя это получится, тем более, что ты сам через это прошел и знаешь, каково это. Не дай никому сбить ее с толку! И чтобы толк был именно тот, что нам нужен. И ей тоже.

– А что с ней будет дальше, если она с малышом останется одна? Моя мама испугалась именно этого.

– С ней все будет в порядке. А вот если она не родит его – то не факт. За нее не переживай, главное – не дать ей совершить непоправимую ошибку. Именно благодаря своему будущему сыну Маша поймет жизненно важные вещи, которые поведут ее дальше. Задание понял?

– Задание понял!

– Исполни, Мир!

– Есть, шеф!

Похоже, мы с Элиасом подружились.

Маша, и правда, оказалась очень юной особой. Я застал ее за подготовкой к экзамену. На ее столе был художественный беспорядок из учебников и тетрадей. Судя по почерку, конспекты принадлежали разным людям. Наверное, пропустила много занятий, подумал я. Иногда девушка отвлекалась и, задумавшись, сосала прядь своих длинных русых волос. Еще я заметил, что колпачок ее ручки совсем изгрызен. И так, уже две дурацкие привычки.

Энергетически я почувствовал в Маше что-то похожее на Леру, и меня захлестнули воспоминания о том времени, когда я еще не знал своего будущего. Как это было здорово – верить в хорошее! Теперь все позади, но почему-то светлых воспоминаний больше. Мои мысли постоянно скакали, и я никак не мог сконцентрироваться.

Итак, к счастью, Маша не сидит с потерянным видом, обхватив колени, как сидела недавно Лера, когда у нас еще был шанс. Значит, не все потеряно. И, даже если отец ее ребенка такой же, как Витя, я уже знал, что делать. Любопытно было бы познакомиться с душой будущего ребенка, но я ее почему-то нигде не видел, в комнате находились только я и Маша. Тишину нарушала только одна назойливая муха, которая, не переставая, издавала громкое противное жужжание. Не выдержав этих звуков, Маша резко встала, отодвинула стул, схватила газету и, свернув ее в рулончик, стала гоняться за мухой.

– Вот ты гадкая муха, не могу ведь из-за тебя сосредоточиться! – Маша носилась за ней по всей комнате, но тщетно. Наконец муха увидела окно и полетела к нему, наверное, подумав, что это уже другой мир и там ей будет спасение, но наткнулась на невидимую преграду и стала биться в стекло, жужжа еще пронзительнее.

– А, не могу этого слышать! Умри, несчастная! – Маша, воспользовавшись ее упрямством, победно шлепнула газетным рулончиком. – Была б ты пчелой, я бы поймала тебя и выпустила в форточку, но тебе не повезло – родилась мухой. Прости за геноцид, насекомое. Нет от тебя никакой пользы. Еще и заниматься мешаешь.

Маша газетой смела то, что осталось от мухи, в корзину для бумаг и вернулась к занятиям. Но это снова продолжалось недолго, – вскоре зазвонил телефон.

– А, это ты, привет, – голос ее потускнел. С мертвой мухой она и то говорила живее. – Ну, что решил? Все-таки развод?

Около минуты она не перебивая слушала ответ.

– Нет, Коля, милый, нет, я с тобой не пойду. Ну как почему... Потому что я беременна и хотела бы, чтобы ребенок родился в браке с тем, от кого он зачат. Мне это кажется логичным.

Снова длинная пауза. Человек на том конце провода что-то долго говорил.

– Да, я понимаю, что по совместному заявлению развестись быстрее и проще, а ты торопишься жениться на своей богатенькой старушке. Но заявления я писать не собираюсь, мне этот развод не нужен, – отрезала Маша. – А ты делай, что хочешь. Решение о нашем ребенке в любом случае будет только моим.

Она повесила трубку, хотя оттуда еще слышался торопливый мужской голос.

– Вот козел, какой козел!.. – все повторяла она и вдруг разрыдалась. Маша плакала так же горько, как Лера, когда я видел ее в последний раз, и мне стало очень жалко эту доверчивую девочку.

Как человеку открытому, ей срочно понадобился собеседник, с которым она поделилась бы своими эмоциями, и она набрала номер:

– Привет, это я.

Женский голос из трубки поинтересовался: «Мне кажется или ты ревешь?»

– Не кажется. Реву, – продолжая всхлипывать, ответила Маша. – Только что звонил Коля и заявил, что все-таки идет подавать на развод. Можно я к тебе сейчас приеду? Мне очень нужно с тобой поговорить. Или, может, встретимся где-нибудь?.. Хорошо, приеду домой. Через час примерно.

Следуя за Машей, мне впервые пришлось спуститься в метро. Это было очень странное место. Люди, дыша в затылки друг другу, двигались медленно-медленно! Мы спустились под землю на станции метро «Василеостровская», куда стремилась просто невероятно огромная толпа народа. На лестнице у входа люди делились на честных и хитрых: честные, напирая друг на друга, мелкими шажками двигались к дверям, а хитрые перемахивали сбоку через ограду и сразу оказывались у заветного входа. Честные, естественно, были возмущены, но чувствовали себя скованно и, в основном, молчали, пытаясь от несправедливости.

Попав, наконец, внутрь, Маша встала в очередь к маленькому окошку, от которого каждый отходил либо с карточкой, либо с металлическим жетоном. Дальше – еще одна очередь – к заветной щелочке в турникете, куда его нужно опустить. Пока Маша ждала, я наблюдал за людьми. Некоторые особо предприимчивые, не желая стоять в очереди, пользовались проверенным трюком: перепрыгивали мешающую им преграду. А один плотно пристроился к незнакомому гражданину сзади и умудрился пройти за ним шаг в шаг, не опуская жетон. Что самое поразительное – незаметно для того, с жетоном! Видимо, он был уже так изрядно помят толпой, что ничего не почувствовал.

Удивительный народ – эти люди... И мне тоже придется жить среди них и привыкать к их странному миропорядку. Само слово означает, что в мире должен быть порядок, но я его пока

не заметил. Так, в размышлениях о мировых проблемах (имя-то обязывает!), я последовал за Машей к самоходной лестнице, по которой мы сначала спустились вниз, затем постояли в страшной давке в вагоне, пока, наконец, моя беременная спутница не оказалась на станции метро «Дыбенко». Поднимаясь вверх по такой же лестнице, во взглядах людей, что ехали в противоположную сторону, я читал: «Счастливые, скоро на свежем воздухе окажетесь, а нам еще в вагонах давиться...»

Я заметил, что Маша отличается от всей этой толпы. Даже не тем, что у нее была забавная шапочка с помпоном, ярко-розовая клетчатая куртка и невероятно длинный полосатый шарф. От нее исходила какая-то особая энергия, похожая на ту, по которой я когда-то нашел свою маму. И тот же яркий стиль в одежде. Что-то явно объединяло их.

Пока девушка шла через парк, где лучи осеннего солнца преломлялись о желтые и красные кленовые листья, готовые оторваться и полететь, я размышлял о том, куда же подевалась душа ее ребенка. Ведь она, наверное, тоже переживает за то, какое решение примет эта юная голова со смешным помпончиком. Но Машины мысли я слышать не мог.

Когда мы оказались рядом с домом ее подруги, я вдруг понял, что места для меня здесь как будто родные. Мы зашли в подъезд, сели в лифт... Все вокруг было очень, очень знакомым! «Неужели...» – подумал я. Я не был готов к такому стечению обстоятельств: подругой Маши, которая открыла ей дверь, была... Лера.

– Привет, заходи, горе ты мое луковое! И как мы с тобой так вписались – одна за другой? – впустила подругу Лера. – Чай ставить? – спросила она, закрывая дверь. – Проходи на кухню.

Я смотрел на нее и не верил в реальность происходящего. Я не видел ее всего несколько дней, но она выглядела совершенно иначе. Лера поступила точно как героиня ее любимого фильма «Осторожно, двери закрываются»: полностью сменила имидж. Теперь у нее была короткая стрижка и светлый цвет волос. Подобное изменение помогло девушке пережить трагедию в личной жизни – видимо, Лера с той же целью решила последовать ее примеру.

– Лерка, ты другая совсем, тебя не узнать... – сказала Маша. – Чего это ты, я б так кардинально не решилась. Я волосы ни разу еще не красила.

– Что ты, Маш, я когда пришла в парикмахерскую, еле поборолла желание вообще налысо постричься, аки Чучело, – помнишь? Орбакайте маленькая играет. А Никулин – ее дедушку.

– Помню такой фильм. И повесть читала.

– Вот. Понимаешь, я же тоже Чучело! Ненстоящая женщина. Женился бы он на мне, только если б я последней в мире особью противоположного пола осталась. И то, может, еще бы подумал. Я ж не могу ничего – ни уюта, ни порядка. Так, чмо последнее. Ненавижу себя, Маш! Ужас в том, что я не его – я себя ненавижу! А к нему вообще никакого негатива не испытываю. Вот как так может быть? – в ее голосе слышались слезы.

– Да... Слушай, я к тебе, как к психотерапевту, а тебе, похоже, он самой нужен.

– Давай, что ли, друг другу плакаться, за бесплатно? – Лера всегда могла шутить, даже в самые печальные моменты. – Кто начнет первый? Ты?

– Ну, давай я. В принципе, у нас многое одинаково получается, просто ты уже сделала этот шаг, а я еще нет. Но понимаю, что, наверное, надо.

Лера молчала. Маша смотрела на нее в надежде, что та все решит за нее.

Оказалось, девушки были знакомы с детства: Леру определили вожатой в отряд в летнем лагере, где отдыхала четырнадцатилетняя Маша. А потом выяснилось, что они еще и живут по соседству. С тех пор Лера стала для Маши человеком, который всегда даст дельный совет, девчонки делились друг с другом самым сокровенным. Лера в ее двадцать два, как думала Маша, которой было всего восемнадцать, лучше понимает жизнь. Вроде как «жираф большой, ему видней».

Я еще приходил в себя от шока из-за нашей внезапной встречи. Вот это совпадение! Случайное ли оно? Может, это такая проверка? Как мне все воспринимать? Как реагировать? На меня снова нахлынуло чувство невероятной нежности, желание зарыться в ее волосы... Что она посоветует юной глупенькой девочке, которая угодила в тот же капкан? Похоже, она и сама ничего не знала.

– Лер, а Лер... Что скажешь-то? – Маша дотронулась до ее плеча.

– Ну что тебе сказать про Сахалин... – откликнулась та. – На острове хорошая погода.

– Вечно ты со своими шуточками. Я, наверное, лучше пойду, – она приподнялась с табуретки.

– Эй, Маш, ну ты только не обижайся! Не уходи, пожалуйста, – поняв, что пошутила невовремя, стала отговаривать ее Лера. – Давай лучше чаю попьем и подумаем вместе, как лучше поступить. Сама-то ты чего хочешь?

– Я не знаю, окончательно запуталась, – девушка села обратно. – Уже не знаю, хочу ли я ребенка или хочу все поскорее забыть, как страшный сон...

Вдруг рядом со мной я услышал какие-то странные звуки, как будто бы кто-то плакал, только очень тихонечко. Я присмотрелся – за тюлевой занавеской спряталась душа Машиного сына.

– Привет, почему ты плачешь? – спросил я его.

– Мне очень страшно. Я не хочу умирать... – всхлипнул он.

– Глупенький, души не умирают. Видишь меня? Лера могла бы быть моей мамой...

Не сложилось. Но я жив!

– Да? – он недоверчиво посмотрел на меня, продолжая всхлипывать. – А почему ты все еще здесь? Вы ведь уже не вместе...

– Сам не знаю, как так вышло. Мне дали задание спасти тебя, и вот я здесь. Где ты был-то?

– Летал... – рассеянно ответил он. – Ты можешь меня спасти? Значит, еще есть шанс, что Маша все-таки решится стать моей мамой?

– Шанс всегда есть. Слушай, а как тебя звать-то, какой твой номер?

– М-09071999.

– А меня зовут Мир. Я помощник ангела-хранителя Маши.

– А сам он где?

– Он занят. У него сейчас другие дела.

– Вот, наверное, потому такое и происходит, что он вечно занимается другими делами, а на нее, – он кивнул в сторону, где сидела его мама, – не обращает никакого внимания.

В глубине души я согласился с ним, но поддакивать не стал. Мне нельзя было порочить шефа, кроме того, Элиас был мне весьма симпатичен. Он, как и все люди, состоял из достоинств и недостатков. Вернее, одного недостатка: он никак не мог сосредоточиться на главном. А теперь еще, похоже, влюбился... Час от часу не легче. Нужно было срочно продумывать тактику дальнейших действий: как помочь Ольге избавиться от страха перед мужем и убедить Машу оставить ребенка. Груз небывалой ответственности буквально придавил меня: как я осилю все это? А тут еще Лера... Я и так часто думал о ней, а теперь она постоянно будет рядом. Слишком много всего!

– Я обещаю тебе, что и с тобой, и с Машей все будет в порядке и ты непременно родишься в свой срок. Когда он, кстати?

– Почти через семь месяцев.

– Ну вот. Значит, через семь месяцев.

Вдруг меня осенила одна мысль. Слишком сильно были похожи наши ситуации.

– Слушай, а тебе, когда ты встретил маму, понравился твой будущий папа?

– Не очень. Просто мама очень понравилась. А что? – он непонимающе посмотрел на меня.

– Похоже, мы сделали одну и ту же ошибку. Мне кажется, мы, будущие дети, чувствуем, с кем нашим мамам не по пути. Мы с тобой оба поторопились, и вот результат... Я ничего не смог поделаться: моя мама все решила в последний момент. Наверное, эти чувства – лишь иллюзия любви, а мы должны родиться от настоящей. Тогда и у мам не будет таких сомнений. Ведь, когда любишь человека, неважно, рядом он или нет – не возникнет и мысли расстаться с его ребенком. Ты меня понимаешь?

– Кажется, да, – он немного повеселел.

Раздался пронзительный свист чайника. Лера выключила газ и встала, чтобы налить чая.

– Скажи мне, только честно, Лер, – ты не жалеешь о содеянном? – спросила Маша. – Мне нужно знать, чтобы понять, что я потом буду чувствовать.

Я слушал изо всех сил. Мне тоже было очень важно это узнать.

– Как тебе сказать, Маш... Даже не знаю. Я не знаю, что было бы, если бы я была беременна, а Витя закрыл бы за собой дверь и ушел. Что бы я думала, что чувствовала? Было ли бы мне больше, чем сейчас? Кругом одни «бы». Не попробуешь – не узнаешь.

– Да... – вид у девушки был очень задумчивый.

– Тут, наверное, нужно рассуждать, исходя из практических соображений, – сказала Лера. – Сможешь ли ты воспитывать ребенка одна да еще зарабатывать вам обоим на жизнь, учитывая, что с ним нужно будет неотлучно находиться рядом. Будешь работать дома? Ты ведь могла бы делать какие-то переводы с английского и французского. На это, наверное, можно как-то жить. Но у тебя еще впереди четыре курса и диплом. Маш, но ведь рожают и живут как-то... Если верить фразе «Бог дает ребенка, Бог дает на ребенка», то надо рожать. Просто я – реалистка.

– Я не хочу «как-то». Не хочу, чтобы мы голодом жили. Что-то переводить, конечно, можно, но как дополнительный заработок. А так... кому я нужна-то буду? Без опыта работы, да еще с маленьким ребенком.

– А мама твоя что?

– Мама почти все время на работе, зарабатывает копейки. К перспективе стать бабушкой относится очень скептически.

– Значит, этого тыла у нас нет...

– Нет.

– А Коля точно не будет помогать, хотя бы финансово?

– Я тебя умоляю... Коля... – Маша усмехнулась. – Он послезавтра идет подавать на развод. Знаешь, у меня такое ощущение, что его приворожили... Слушай, – ее голос вдруг стал жестким, – я не хочу о нем говорить. Не возьму я от него ни рубля.

– Гордая! – Лера с улыбкой покачала головой.

– Слушай, у тебя есть что-нибудь выпить? – неожиданно заинтересовалась Маша.

– Но ведь тебе как бы нельзя...

– Так это ж «как бы». У меня, может, еще и не будет никого. Налей, если есть, а? Стресс снять.

– Водка, кажется, у отца была. Совсем немножко. Ты уверена, что хочешь этого?

– Да.

Лера полезла в шкаф и достала бутылку, в которой оставалось меньше четверти содержимого, и налила стопку.

– А чего я одна-то, как алкашка какая-то? Давай вместе.

– Ладно, – улыбнулась Лера. – Мне теперь уже тоже... можно.

Девушки чокнулись:

– За нас с вами и за хрен с ними, да, Лер? – как-то натянуто улыбнулась Маша и опрокинула стопку вовнутрь.

– Точно, – поддержала ее подруга. – Пусть он пребудет с ними.

– Ну, и сразу по второй, да? Между первой и второй...

– Перерывчик небольшой, – договорила за нее Лера.

Мы молча наблюдали за нашими горе-мамами, которые за несколько минут допили все, что оставалось в бутылке, закусив несколькими дольками яблока.

– Давай звони своему волшебному врачу, договаривайся насчет меня, – вдруг произнесла Маша. – Не смогу я, не справлюсь... Да и водки уже выпила, теперь точно рожать нельзя.

– Машка, вот ты балда! Я ж тебя спрашивала!

– Да, Лер, я ж специально, чтобы уже точно, без обратного хода... Звони давай. Когда у него операционный день? В среду? Значит, послезавтра.

Маленькая душа М-09071999 на моих глазах буквально сжалась в комочек. Он как будто бы стал еще прозрачнее, хотя, казалось бы, куда уж еще. Благодаря нашему знакомству я с удивлением узнал, что мы, души, оказывается, можем плакать. Мои попытки его утешить ни к чему не привели, он плакал без остановки довольно громко. Я изо всех сил захотел, чтобы Маша его услышала.

– Лерк, у меня слуховые галлюцинации. Кажется, будто ребенок плачет... – и, уже захмелевшая, она тоже расплакалась.

– Ну, ну, будет тебе, – Лера стала гладить подругу по голове, приговаривая это с той же интонацией, с какой ее саму в детстве утешала бабушка, когда внучка разбивала коленку. – А знаешь, мне ребенок несколько раз снился, лежит такой, забавный, улыбается... Я считаю, сколько дней осталось бы до его рождения. Решила весной поехать и нацарапать на капоте Витиной машины «Катя. Апрель 2000».

– Надо скорее обо всем забыть. И тебе, и мне. Во сколько надо быть у профессора? В 9 утра? Поедешь со мной? – спросила Маша.

– Поеду, куда я денусь, не брошу же я тебя одну в такой момент. Хотя, сама понимаешь, воспоминания у меня об этом месте не самые радужные. Туда лучше не попадать больше одного раза. А еще лучше – вообще не попадать.

Зареванный М-09071999 сидел у Маши на коленях и молча смотрел на нее. У меня оставался всего один день, чтобы его спасти.

Приехав домой, Маша попыталась снова готовиться к экзамену, но сосредоточиться у нее так и не получилось. Приняв душ, она выключила свет и залезла под одеяло. Сосредоточиться на сне не получалось тоже. Она просто лежала с закрытыми глазами и думала о бренности бытия: о том, как все может измениться в одну минуту, и о том, как иной раз бываешь бессильной на что-либо влиять. Ей казалось, она хорошо знает своего мужа и может полностью ему доверять, но все произошло так стремительно, что у нее никак не получалось прийти в равновесие.

Принятое решение, с одной стороны, принесло ей изрядное облегчение, а с другой – мысль о том, что ей предстоит избавиться от своего ребенка, была ужасно болезненной. Она искала плюсы и минусы в ситуации, если б он все-таки родился. Плюсы находились больше из области метафизики, и минусы перевешивали. Предстояло засунуть эмоции куда подальше.

От усталости мысли ее стали путаться, и Маша постепенно уснула. Я находился в ее комнате вместе с М-09071999, который, устав сокрушаться о своей судьбе, тоже задремал.

Его мама видела сон. Она стояла босая посреди огромного поля с подсолнухами, многие из них были выше ее роста и больше походили на зонтики от солнца. Солнце только вставало, она шагала между толстыми шершавыми стеблями, раздвигая их руками с ощущением, что этот цветочный лес никогда не закончится. Девушка нагнула большой, круглый, как тарелка, цветок подсолнуха и, повернув его к лицу, глубоко вдохнула. От подсолнуха сладко пахло све-

жестью и спеющими семечками. Решив попробовать одну, она вдруг услышала детский голос:

– Не делай так, мне будет больно!

На ее указательном пальце сидел ребенок лет пяти размером с эту семечку. От неожиданности Маша в испуге бросила его на землю. Сразу поняв, что совершила что-то ужасное, она бросилась на поиски упавшей «семечки». В поисках девушка ползала на коленях и, ей казалось, слышала детское всхлипывание. Она шарила руками по земле, но результатом этих усилий была лишь грязь на ладонях.

Потом Маша долго бежала по этому полю, раздвигая стебли подсолнухов, и ей все слышалось: «Мне будет больно»... Нагнув еще один подсолнух, Маша всматривалась в каждую семечку, но все они были самые обыкновенные. Девушка в отчаянии села на землю и вдруг почувствовала, что ее поднимает вверх какая-то непреодолимая сила. Она неожиданно обнаружила, что сидит на огромном подсолнухе, который растет со страшной скоростью, устремляясь прямо к облакам. Она почему-то совсем не чувствовала страха, будто в том, что происходило, не было ничего необычного. Подсолнух прошел сквозь облака, как самолет при взлете. Теперь перед Машей предстал некто в строгом костюме. Глядел он на нее тоже строго, как Господь Бог:

– Ты зачем бросила ребенка, Мария? – сурово просил он.

– Я не бросала... – стала оправдываться Маша.

– Почему же он пришел ко мне и плакал, что его бросила мама? Причем в прямом смысле – на землю!

– Я ненарочно, – Маша совсем растерялась. – Я думала, это просто семечко подсолнуха. Даже хотела его съесть.

– Съесть собственного ребенка? Недурно, недурно...

– Но я же не знала... Это ведь было просто семечко!

– Деточка, вы, люди, многого не понимаете. А потом списываете все на то, что не ведали, что творили. Еще меня умиляет ваша фраза: «Человек предполагает, а Бог располагает», – с усмешкой произнес он. – Это далеко не всегда так. Ведь ты же не поверишь, если я скажу, что твой будущий ребенок станет талантливым художником. И тебе совершенно не надо бояться остаться одной – это не твой путь. Ты ведь все равно поступишь по-своему? И где же тут Воля Божья? Иди. И постарайся больше не терять свое семечко. В нем начало и твоей новой жизни тоже.

Маша не успела ничего ответить, потому что подсолнух стал стремительно снижаться, и от ощущения свободного падения она внезапно проснулась. Сон запомнился ей целиком, от начала до конца, что бывало у нее очень редко.

По выражению ее лица я понял, что этот сон был хорошей идеей. Оставшийся день она должна провести наедине со своими новыми мыслями. Надеясь на счастливый исход моей задумки, я полетел домой к Ольге.

Оли и Пети дома не оказалось. За столом на кухне сидел Клим – в серой помятой футболке и черных джинсах. Волосы его имели весьма неухоженный вид, судя по всему, он их довольно долго не мыл, да и лицо было какое-то помятое. Клим с мрачным видом разглядывал фотографии. Те, где они были изображены вдвоем с Ольгой, разглядывал особенно долго.

– Обманываешь меня, значит... – вдруг произнес он вслух.

Взяв одну из свадебных фотографий, мужчина пристально смотрел на нее, будто пытался прожечь ее взглядом, и вдруг смял в кулаке. Испугавшись своего поступка, стал разглаживать, но ничего не получалось. Тогда он разорвал фото на мелкие кусочки и выкинул в мусорное

ведро, чтобы уничтожить улики. Похоже, у него еще не было намерения окончательно что-то выяснять с женой.

Мужчина быстро оделся и вышел за дверь. Я проследил за ним. Он шел на работу в таксопарк, где работал водителем. Мне захотелось больше узнать об этом человеке, чтобы понять его, почувствовать. От него исходила явная угроза для Ольги и ее будущего ребенка. Как уберечь их, я пока не знал, это оказалась слишком сложная для меня задача. Похоже, Элиас взвалил на меня то, с чем сам боялся не справиться, – дело было вовсе не в отсутствии времени. Но задания не выбирают, и мне обязательно нужно пройти это испытание, чтобы быть вновь допущенным к поискам. Необходимо все сделать правильно, ведь я очень хотел родиться!

Я решил раздобыть «досье» на Клима. Элиас должен мне в этом помочь. Его ведь тоже по голове не погладят, если что-то случится с его подопечными. Чтобы понимать, какую опасность представляет Клима, была нужна информация о его прошлом.

В нашей канцелярии на каждого заведена картотека, допуск к которой есть только у ангелов-хранителей, ибо они, собственно, ее и ведут. Вся информация хранится в специальных выдвижных ящиках. В такое хранилище, оформив специальный допуск к чужой информации под каким-то благовидным предлогом, пришлось проникнуть нам с Элиасом. Мы долго искали нужный ящик. В него так давно никто не заглядывал, что его задвинули довольно глубоко.

– А что случилось с ангелом-хранителем Клима? – поинтересовался я.

– Это секретная информация, – пожал плечами Элиас. – То ли его перевели куда-то, то ли он от него отказался, то ли был отстранен как не справившийся со своими обязанностями. Я не знаю. Странно только то, что больше никого не назначили. Ну как так, человек – и без ангела хранителя? Непорядок же! Все же система наша явно несовершенна...

Элиас нашел, наконец, необходимые нам карточки, и мы принялись читать.

«Климент Шелин. Родился 18 июля 1968 года в 4:25 в Челябинске».

– Какой период времени нас интересует? Тут есть 1—3 года. 4—7. 8—11. 12—15. И так далее. По три года, – Элиас быстро перелистывал странички, выхватывая информацию по кусочкам. – Та-а-ак... Мальчишка в два года остался без отца: тот погиб в автокатастрофе. Мать много работала, а в свободное от работы время – пила. В итоге мальчик с раннего возраста рос в основном под контролем бабушки. С 10 лет он уже был фактически самостоятельным... О! Вот запись о его конфликте с матерью, когда ему было тринадцать. Он просил – дословно – «прекратить пить и водить в дом кого ни попадая». В ответ был послан, культурно выражаясь, пешим эротическим маршрутом. Склонный к агрессивной реакции на оскорбление, он...

Элиас умолк.

– Что там, что там? – заволновался я.

– Ничего хорошего... Он убил свою мать. А бабушка, случайно ставшая свидетельницей убийства, умерла от сердечного приступа. По возрасту и состоянию психического здоровья от наказания был освобожден, пятнадцать лет провел в психиатрической больнице, потом здоровье улучшилось, и он был выпущен на свободу под наблюдение врача.

– Какой ужас...

– Несколько лет Клима жил один в своем старом доме, регулярно наблюдаясь у психиатра, а когда ему исполнилось 35, переехал в Питер, где жил его двоюродный брат, решив начать все с нуля. Я помню их знакомство с Ольгой: она голосовала, а он ехал мимо и подвез ее, взяв вместо денег номер телефона. Тогда он показался мне неплохим парнем. Я же ничего не знал о его прошлом. Да и вел он себя совершенно иначе...

– Второе дно?

– Возможно... Ольга, похоже, тоже не в курсе, ведь все было в его родном городе, а он предпочел скрыть свое прошлое. Рассказал ей, что он сирота и воспитывался в детском доме. Она поверила на слово, да и какой девушке придет в голову это проверять? Оля по характеру напомнила Климу мать, когда та бывала трезвой. Добрая и покладистая, она сразу покорила

его тем, что была хорошей хозяйкой, а когда родился Петька – тем, что стала замечательной матерью для их сына. Уже с двух-трех лет водила парнишку на разные занятия: спортивные, музыкальные... Клим, правда, не слишком это одобрял, не понимал, зачем все это нужно. Особенно его раздражает музыка – один из собутыльников матери, выпив, всегда играл на гитаре. Год назад выступал категорически против покупки пианино, но Ольга его послушалась, и теперь он не дает нажать ни одной клавиши в своем присутствии. Ведет себя как домашний тиран. Да еще и занимается эмоциональным шантажом. Вот тут значит, – ангел ткнул пальцем в нужную строчку, – что она пыталась вернуться к родителям два года назад из-за его пьянства, но он сказал, что если она уйдет, он повесится. И Ольга осталась. Да... Похоже, он психологически зависим от жены.

– Мы как будто детективы, да, Элиас?

– Да, Мир, – ангел дружелюбно потрепал меня по месту, где у людей находятся волосы на голове. Мы можем представлять друг друга такими, какими захотим. Элиас видел меня ржимим, кудрявым и веснушчатым подростком в зеленых штанах с дыркой на колене, просто я этого не знал. Он рассказал мне об этом гораздо позже. А я все не мог понять, почему он так часто улыбается, глядя на меня.

– Каков будет план наших действий?

– Тут так быстро не решить, нужно все хорошенько обдумать, может, даже посоветоваться с товарищами... Ты пока просто наблюдай за ними и, если заметишь что-то подозрительное, сразу сообщай мне, понял?

– Так я уже заметил...

Элиас вопросительно посмотрел мне в глаза, потом перевел взгляд на мое «колени».

– Он фотографию порвал, где они вместе. И сказал, что убьет...

Элиас молчал минуты две. Я ждал, когда он произнесет первое слово. Но, видимо, мысль, которую он обдумывал, настолько отвлекла его от моего присутствия, что ангел вдруг раскрыл крылья и полетел в неизвестном мне направлении. Да, он был точно не в себе. Или – наоборот – в себе? Поэтому и не слишком обращал внимание на то, что творится вокруг. Вот угораздило же такого ангела стать хранителем! Да его самого надо охранять...

Я хотел полететь за ним, чтобы проследить, куда он направляется, но быстро потерял его из виду. Не зная, что делать дальше, я, как птица, сел на ветку дерева и задумался о бренности всего сущего... Суета суетой, но задуматься иногда полезно. Я настолько запутался в своих делах и чувствах, что мне был нужен чистый лист бумаги и ручка, чтобы многое записать, а лучше – сделать таблицу. Но, увы, приходилось все держать в голове.

Итак, подумал я, что же ужасного происходит? Да, в сущности, ничего. Ну, разве что, кроме моей личной трагедии. Но ведь это уже случилось, так что думать об этом с непреходящей грустью – занятие неконструктивное. Лучше – понять свои ошибки и извлечь из них урок. Вот это будет правильно. И каков же урок на будущее? Надо выбирать себе сразу обоих родителей, а то, получилось, запал на маму, и вот оно как вышло. И еще чтобы в отношениях между будущими родителями не было трещины: ведь когда ее нет, не факт, что она появится, а когда она уже есть, то в любой момент может увеличиться. «Я помню все твои трещинки, пою твои-мои песенки. Ну почему?» – эту песню Лера слушала довольно часто, как и другие песни своей любимой певицы – как там ее, что-то на «З»... Какую-то сладость напоминает. Зефир, кажется... Тьфу, какой зефир, – Земфира! Я много ее песен запомнил за то время, пока мы были вместе:

Ты – белый и светлый,

Я – я темная, теплая.

Ты плачешь – не видит никто,

А я – я комкаю стекла, дура.

Ты так откровенно любишь,

Я – я так безнадежно попала.

Мы – мы шепчем друг другу секреты,

Мы все понимаем, и только этого мало...

Я помню, как Лера плакала, слушая эти слова, когда ниточке, связывающей нас, оставалось быть натянутой всего сутки – чтобы мы могли попрощаться.

Мама, почему?..

Я – белый и светлый – плакал.

Этого никто не видел.

Лера занималась мазохизмом, вновь и вновь слушая песни, от которых становилось только больнее:

...Больно бывает не только от боли.

Страшно бывает не только за совесть.

Странно, опять не хватило воли.

Я множу окурки, ты пишешь повесть.

«Жаль, что я не курю, может, помогло бы, – подумала она. – Есть в этом что-то красивое: мять в руках окурки за окурком с написанным на лице неудачей в поисках смысла жизни... Черт, и Машку жалко. Совсем молодая еще».

Маша после разговора с Лерой изо всех сил старалась настроиться на то, что решение принято и обратного пути нет, но сон о подсолнуховом поле и визите ко Всевышнему произвел на нее очень сильное впечатление, и все утро она была сама не своя. У Маши оставались всего сутки до роковой для М-09071999 операции. А еще через день в Университете должен был состояться довольно сложный экзамен, и девушка пыталась к нему готовиться. Знания в голову, забитую другими мыслями, никак не шли, и весьма способная в других обстоятельствах студентка старательно строчила шпаргалки. В плюс ко всем внешним проблемам беременность тоже не была безоблачной, и Машу часто тошнило: примерно раз в полчаса приходилось отвлекаться на то, чтобы бежать к унитазу. Иногда позывы оказывались ложными, но так было еще противней.

– Ничего, сегодня последний день, – подумала она после очередной пробежки до туалета и обратно. – Завтра это закончится. Потом – развод, буду учиться, получу диплом и уеду куда-нибудь из этой гребаной страны к чертям собачьим. И гори тут все синим пламенем. Вместе с моим бывшим муженьком.

Она снова села за шпаргалки. Душа ее сына, со вчерашнего дня уже переставшая верить в то, что у них есть совместное будущее, плакать перестала и просто безучастно смотрела на свою маму. Он был уже не в силах подать никакого знака. Да и что тут сделаешь? Устроишь, чтобы у соседей неожиданно громко включилось радио в момент припева «Твой малыш растет не по годам»?.. Весьма сомнительная затея.

М-09071999 впал в апатию. Я ничего не мог поделать с его настроением и наказал надеяться на чудо, заверив, что чудеса иногда случаются. Он грустно усмехнулся. В его усмешке я услышал: «Посмотри на себя, чудо не случилось...»

Ближе к ночи зазвонил телефон. Мы слышали только ответы, но вопросы были очевидны, и о том, кто звонил, можно было сразу догадаться:

– Нет, не передумала. Да, подумала хорошо. Слушай, да все уже, не надо, не говори ничего, поболит и перестанет. Ну что такое душа, может, это вообще миф, – кто ее видел хоть раз? Окей, завтра еще поговорим. Да... Да, в 8:30 на Мужества.

Так Лера, сама того не зная, попыталась мне помочь.

– На Мужества, – повторила Маша самой себе, положив трубку. – Надо его еще накопить, мужества-то...

Совершив все необходимые приготовления ко сну, девушка легла спать. Этот вечер от всех остальных вечеров отличало лишь то, что вместо учебников и тетрадей ей нужно было положить в рюкзак халат, ночную сорочку, тапочки и чистые носки.

Ночью ей приснился собственный округлившийся живот, в который изнутри толкала маленькая детская ладошка – через кожу проступал каждый пальчик. Это была последняя попытка М-09071999 достучаться до маминого сердца, уже особо не надеясь. Бывает, мы присылаем подобный сон еще до зачатия, когда хотим сказать: «Я рядом».

Я нигде не мог найти Элиаса, он куда-то пропал. Новой встречи мне назначено не было, как не было никакого плана действий. На связь ангел не выходил. Значит, придется самому.

С раннего утра пришлось буквально реанимировать М-09071999, чтобы он мог лететь. Бедняга был уже не борец. Я изо всех сил пытался сообразить, какой знак подать этой милой девушке, чтобы как можно быстрее изменить ее решение. Влиять на ее «благонверного» я, к сожалению, не мог, а ведь именно он мог бы мне помочь.

Обменявшись приветами, Маша с Лерой молча дождались троллейбуса и половину дороги до клиники ехали не разговаривая. Я смотрел на Леру и видел, что ей еще тяжелее, чем Маше. Мне было очень жаль ее. Это как если на Голгофу отправляли бы еще раз, через две недели.

– Чувствую себя твоей мамой, – сказала она Маше перед кабинетом, попытавшись улыбнуться.

– А я себя уже никем не чувствую. Пустое место. Скоро будет еще пустее, – ответила та. Они зашли в кабинет профессора вместе.

– Здравствуйте, Сергей Александрович, – улыбнулась Лера доктору.

– Ой, привет-привет! – сразу узнал он свою недавнюю пациентку. – Ну, как чувствуешь себя? Что-то беспокоит?

– Скорее, кто-то. Вот – подругу к вам привела: вляпалась в аналогичную ситуацию, что и я.

– Ну что ж вы так, девоньки... – доктор был сама душа. – Как зовут подругу-то? – он попросил медсестру завести новую карточку. – Иди, Мария, на кресло, я тебя посмотрю, – обратился он к Маше. – Подождешь в коридорчике? – вопросительно взглянул он на Леру. Та, кивнув, вышла.

Маша вернулась из кабинета, держа в руках несколько бумажек. Профессор выглянул в коридор и сказал Лере:

– Вот, сходи с ней на первый этаж, кровь сдайте. Мазок я взял. Квитанцию надо в кассе оплатить и принести мне. В общем, ты же все знаешь, проводишь.

– Провожу.

– А как твой парнишка-то? – вдруг поинтересовался он. – Совесть не мучает?

– Он больше не мой, – отрезала Лера. – С того дня не виделись.

– Ну и правильно. Не расстраивайся. Другого встретишь, понимающего! – он похлопал ее по плечу. – Не ошибись только. Не надо больше операций. В следующий раз непременно рожай!

– Обещаю, – грустно улыбнулась она. – Непременно рожу. – От такого самовнушения Лера вдруг повеселела. Ее воображение мгновенно возродило сознательно затоптанную картинку, как она, наконец, станет матерью. – А вы роды, кстати, принимаете? Я бы только у вас рожать хотела!..

– Нет, роды я не принимаю, но посоветую тебе одного хорошего врача, когда придешь, – он говорил как о решенном вопросе.

– А чего не прийти – приду, – в ее улыбке уже не было грусти. – За советом.

– Ну, бегите, через полчаса операции уже. Сегодня шесть пациенток. Первой пойдешь? – обратился он к Маше. Та неуверенно кивнула. – Давай, беги кровушку сдай.

На Маше не было лица. Вернее, оно, конечно, было, но очень бледное и испуганное.

– Лерка, мне страшно, – сказала она, сжав подругу за запястье. Девушки ждали своей очереди у двери в лабораторию, – перед ними были еще две женщины.

– Представляю, ты ж в первый раз. Постарайся взять себя в руки, представь, что это скоро закончится. Выйдешь отсюда и начнешь новую жизнь, – попыталась утешить ее Лера.

– Что-то не получается, – Маша почти дрожала, – успокоиться...

– Все будет хорошо, – без этих банальных ни на чем не основанных слов, не обходится ни одна подобная история, и Лере тоже пришлось их произнести. – И хотя наверняка этого никто не знает, я уверена, что у тебя – точно все будет хорошо! – она положила свою руку на руку подруги. Машины пальцы были ледяными.

– Знаешь, насчет «хорошо». Мне тут сон вчера снился... – начала Маша.

– Иди, лампочка мигнула, – Лера подтолкнула подругу, задав ей направление. – Выйдешь – расскажешь.

Маша исчезла в кабинете.

– Всё-ё-ё-ё... Я погиб! – послышалось у меня в ухе.

М-09071999 снова разревался.

– Успокойся, у меня есть одна запасная идея. Ты разве не видишь – она еще сомневается.

– Но ведь все равно все происходит...

– Но титры же пока не идут! – повысил я голос, чтобы привести его в чувство.

Не факт, что он понял, что я сказал, но, наверное, решил, что титры – это что-то очень важное, и пока они не идут, все еще можно исправить.

– Спаси меня! – умоляюще произнес он сквозь слезы.

– Тогда немедленно перестань плакать, – сказал я строго. Я был старше и мудрее, и я через это уже прошел. – Слезы – это неконструктивно.

– Работаем кулачком, – получила в это время Маша указание медсестры. Выше локтя на правой руке пациентки она туго завязала резиновый жгут.

Пока медсестра искала вену, девушка, чтобы не видеть процесс, смотрела на картину, где были нарисованы подсолнухи в вазе. Когда у нее брали кровь, Маша просто не могла оторвать от них глаз. Как все закончилось, она вышла, зажав руку в локте.

– Теперь в кассу? – уточнила она у Леры, которая уже была готова идти.

– Да, она тут рядом, пять метров.

– Я хочу немного посидеть, – она посмотрела на подругу умоляющим взглядом и потянула за рукав, садясь обратно на то же место. Лера осталась стоять.

– Окей. Но у нас мало времени, если ты хочешь идти первой.

– А я хочу идти первой? – она подняла на Леру глаза, как будто та знала ответ.

– Я не знаю. Решать тебе. Я всегда предпочитала первой идти отвечать на экзамене, чтобы долго не сидеть и не волноваться.

– А-а-а... – Маша, похоже, была в прострации.

– Ты про сон что-то говорила... – Лера присела рядом с ней.

– А, да... Мне вчера приснился сон, как будто я на поле, где растут огромные подсолнухи, я сорвала один, а там оказался маленький ребенок. Размером с семечку. Он сидел у меня на пальце, а я испугалась и сбросила его. А потом найти никак не могла. И еще Бог снился.

– Бо-о-ог? – удивленно протянула Лера.

– Да. На нашего завкафедрой похож, в костюмчике, деловой такой. Велел еще раз обдумать все, вроде как ошибку я совершаю.

– Не убедил?

– Не знаю. Еще сказал, что мальчик будет у меня и он должен стать известным художником.

– Вот это сон! Мне б такое приснилось в свое время... А то снилась девочка, но уже постфактум, и от этого еще горше.

Я удивился. Я не знал об этом Лерином сне. Не я был его генератором. И почему девочка... Странно. Это была, видимо, какая-то область ее подсознания, в которую я так и не добрался. Область мечты. Она же хотела девочку Катю. Вот бы был сюрприз, когда б ей сообщили, что Катя – мальчик...

– Знаешь, – Маша вдруг впала в какое-то смятение, – я ему позвоню.

– Мужу?

– Типа мужу.

– Зачем?

– Пусть знает, где я. Он же на развод, наверное, сейчас подает.

– Ну, позвони, – только что это даст?

– Подожди меня тут, – и Маша, набрав номер, отошла на несколько метров к окну.

– Ладно... – Лера осталась на месте. Я решил побыть с ней. Несмотря на то, что случилось с нами, мне было по-прежнему тепло и хорошо находиться рядом. И еще я ужасно устал слушать чужие разговоры. От меня уже ничего не зависело: я сделал свое дело – это были не случайные подсолнухи из сна, изображенные на картине в лаборатории. Я был уверен, что они должны сыграть свою роль. И с Машей уже явно что-то происходило. До меня доносились обрывки ее телефонного разговора. Девушка говорила довольно громко, на пределе эмоций, иногда срываясь на крик:

– Значит, уже написал, да? То есть тебе совершенно плевать, что это наш ребенок и его не станет? Ты понимаешь, где я сейчас, ты это хорошо понимаешь? – видимо, разум ею уже не руководил.

Похоже, звонила она раза два или три. Я видел, как она снова и снова нажимает кнопки.

К Лере подошел Сергей Александрович.

– Она готова? – кивнул он в сторону Маши.

– Похоже, первой не пойдет, – ответила Лера.

– Понятно. Ну, значит, второй?..

– Наверное... – голос ее звучал весьма неуверенно. – Мы скоро подойдем.

– Хорошо. Я буду выходить и вызывать, – он скрылся за белой дверью с табличкой «Операционная».

Я почему-то совершенно не испытывал отрицательных эмоций к этому милому господину, хотя именно его рука окончательно решила мою судьбу. И если мой план не работает, сейчас решит и судьбу М-09071999. Его, кстати, нигде не было видно. Наверное, захотел побыть один.

Маша вернулась с красными пятнами на лице.

– Тут можно где-нибудь кофе попить? – спросила она Леру. – Мне нехорошо, обязательно нужно кофе попить, – повторила она. – И еще посидеть спокойно, в тишине. Но не здесь.

– В вестибюле есть кофейный автомат.

– Пошли?

– Пошли.

Вместо кофе Маша неожиданно взяла горячий бульон из кубика с куриным вкусом. Лера присоединилась к ее выбору. Выпив глоток, она первой нарушила тишину:

– Ну и...? Я уже боюсь тебя спрашивать. Что он сказал? Ты передумала?

– Этому козлу все похрен, – зло процедила Маша. – Он как раз сейчас сидит в очереди, чтобы отдать заявление о разводе. То, что сейчас со мной происходит, цитирую дословно, – «мои личные проблемы».

– И что ты тогда дергаешься?

– Я не знаю. Лерка, мне кажется, я не могу-у-у-у... – ее глаза и голос наполнились слезами. – Я не могу его убить. Это же мой ребенок!

– Твой. Но ведь может быть и другой? Когда рядом с тобой будет нормальный мужчина, а не этот малодушный урод! Я уверена, что у меня обязательно будет ребенок, хоть и сама побывала здесь всего неделю назад.

– Будет... А этот? Он же живой. Говорят, у них на сроке восемь недель уже много чего сформировано. Да и душа у него наверняка есть...

– Есть, есть! – крикнул из-за ее плеча М-09071999. От страха он стал настолько маленьким, что я его даже не заметил.

– Ох, смотри сама, Машкин, жизнь-то твоя... – Лера немного помолчала. – Ты точно все решила?

– Не-е-ет. Не решила я ничего-о-о, – она разревелась. – Я вообще не знаю, что делать.

– И я не знаю, – Лера взяла ее за руку. Так они просидели еще минут десять. – Маш, надо все равно пойти к операционной, сказать что-нибудь, тебя ведь ждут, ты записана.

– Да, пойдем, – Маша решительно встала из-за столика, взяла два коричневых пластиковых стаканчика из-под бульона и выбросила в ведро. – Но я сейчас еще раз ему позвоню.

– Машка! Ну зачем?! – попыталась остановить ее Лера.

– Позвоню, – упрямо повторила та.

Лера вздохнула. Я вдруг неожиданно, сам не понимая, как это возможно, снова услышал ее мысли: «А что если бы я тогда ничего не стала делать? Зашла бы внутрь, договорилась с Сергеем Александровичем, чтобы все инсценировали. Вывезли бы меня через полчаса на каталке. Витя ничего бы не знал, а я бы родила. И был бы только мой ребенок. Чего я так испугалась, почему поменяла свое решение?.. Ведь хотела же оставить! Дура я. Дура! Да и сейчас не поумнела: рисую в голове какие-то дурацкие картинки из непрожитой жизни... А Машка пусть делает, что решит. Похоже, она сильнее меня».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.